

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ТОРИН

ТОРВИ

Кошки в доме

Annotation

Кошки — удивительные и загадочные существа, независимые, дружелюбные, гордые. Англичанка Дорин Тови влюбилась в них однажды — и навсегда. Она относится к своим любимцам как к существам мыслящим, имеющим право на личную жизнь и собственное мнение. Тонкий юмор, необыкновенная трогательность и художественные достоинства сближают эту книгу с лучшими произведениями Д.Даррелла и Дж.Хэрриота.

- [Дорин Тови](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
-

Дорин Тови
Кошки в доме

Глава первая **А МЫШЕЙ ОНА ЛОВИТЬ МОЖЕТ?**

Нашу первую сиамочку звали Саджи, купили мы ее из-за мышей. В оправдание столь прозаичной причины могу сослаться лишь на то, что мыши эти были очень даже не обычными, а прихлебателями нашей ручной белки по кличке Блонден. За годы они обрели оригинальность и походили на обычных мышей не больше, чем Блонден на обычных белок, и, если уж на то пошло, не более, чем сиамские кошки похожи на всех прочих.

При жизни Блондена мыши нас особенно не допекали, а знай себе путешествовали по дому: то вверх по лестнице, то вниз, то в проволочную вольеру в саду, где Блонден проводил дневные часы с тех пор, как позволил себе прогрызть дыру в двери гостиной, чтобы добраться до яблока.

И мыши занимались делом, трудолюбиво отыскивая орешки и кусочки хлеба, которые он запасал на черный день под ковриками и за сиденьями кресел. В первый раз повстречав на лестнице мышку, семенившую с орехом в зубах, точно собака с костью, я слегка ошалела, но в конце концов я с ними свыклась.

Одна мышка повадилась играть со мной в прятки в садовой беседке. И со временем настолько одомашнилась, что в заключение игры выбиралась на открытое место с задорно торчащей изо рта хлебной корочкой, садилась на задние лапки и смотрела на меня взглядом американского миллионера, приценивающегося к Инле Клеопатры.

А другая как-то вечером, не сумев протиснуться с орехом во рту в щель под дверью черного хода, оставила его лежать в комнате, сама выскользнула наружу, распласталась на пороге и принялась подцеплять его лапкой.

А я насмерть перепугалась, наблюдая из кухни, как орех сам собой отчаянно перекачивается под дверью. Я знала, что Блонден тут ни при чем: он уже отправился на боковую. В длинные зимние вечера он ложился рано: мчался наверх в гардероб, где спал на полке под стопкой носков Чарльза, сладко, но достаточно слышно посапывая. Углядев тоненькую лапку полевки и сообразив, что у нас не завелся домовый, я испытала такое облегчение, что открыла дверь и выкатила орех наружу. Естественно, там никого не оказалось. Но когда я проверила несколько минут спустя, орех исчез.

Если бы и дальше все шло столь же тихо и мирно, эту книгу я, наверное, писала бы о мышах, а не о сиамских кошках. Однако очень сырой осенью Блонден простудился и умер, а у нас очень скоро начались серьезные неприятности. Едва мыши обнаружили, что за подушками кресел орехи больше их не ждут, как тут же принялись прогрызать дыры в чехлах. Ну, а отсутствие лакомств под коврами привело их в такую ярость, что они начали отщипывать от них кусочки. Они устраивали налеты на клетку волнистого попугайчика, расхищая его корм и пугая бедняжку до истерики — нервы у него никогда не были крепкими и он постоянно терял перья хвоста, а теперь они сыпались как осенние листья.

Мыши забрались в ящик комода, куда и не думали заглядывать в дни изобилия, и там злонамеренно отгрызли все углы аккуратно сложенной парадной скатерти. Когда в один прекрасный день я ее развернула, она оказалась вся в прорехах в форме звезд и полумесяцев, словно позаимствованных с турецкого

флага. О том, чтобы постелить ее на стол, нечего было и думать. Я прямо-таки слышала, как дурацкие мыши хихикают, хватаясь за животы, и в ту же ночь одна (вероятно, выбранная общим голосованием)прогулялась по моему одеялу, а потом и по лицу, просто чтобы я не очень зазнавалась.

Последней каплей стало утро, когда я открыла хлебницу и увидела, что внутри крохотная полевка отрабатывает прыжки в высоту. Видимо, она забралась туда перекусить, оказалась в ловушке, когда крышку закрыли, ну и совсем потеряла голову. Она проделала уже столько этих панических прыжков, что они вошли у нее в привычку, и, когда я вытряхнула ее на пол, направилась было к черному ходу, подскакивая точно кенгуру, а потом сообразила, что выбралась на свободу, и за дверь вылетела ракетой.

Это был конец. Мы уже пытались найти белку взамен Блондена и, если бы нам это удалось, равновесие между мышами и людьми могло бы восстановиться. Блондена мы в свое время подобрали еще детенышем — он лежал под деревом покалеченный, и нам как-то в голову не приходило, что он не самое обычное домашнее животное. Однако теперь, когда мы заходили в один зоомагазин за другим и, перекрикивая оглушительную какофонию, слагавшуюся из тьяканья щенков, мяуканья котят, криков попугаев и бульканья золотых рыбок, просили показать нам простенькую, самую обычную белочку, продавцы явно принимали нас за умалишенных. Серьезно к нам отнеслись только в зоопарке при Риджент-парке, но в ответ на наши жалобные мольбы сообщили, что у них уже есть длинный список желающих обзавестись белкой.

Ставить ловушки даже на мышей — ни за что! Оставался только один выход: раздобыть кошку и уповать, что после одной-двух молниеносных расправ

мыши поймут намек и оставят нас в покое. Беда была в том, что кошки нас не слишком привлекали. Мы опасались, что кошка начнет охотиться на птиц возле дома, а многие из них уже стали совсем ручными. «В любом случае, — сказали мы, — откуда нам взять кошку с такими милыми, забавными повадками, как у Блондена? Ведь от нее не дождаться, чтобы она прокусила часы Чарльза, ловя того, кто тикает, или отгрызала уголки библиотечных книг, или откусывала пуговицы с брюк гостей, когда они приходят на чай».

Мы колебались и ничего не предпринимали. И тут в одно знаменательное утро нас представили Мими, юной сиамской красавице, которая недавно поселилась у наших соседей, живущих дальше по дороге. Ей исполнилось полгода, и ее отдала им женщина, которая уезжала за границу и была вынуждена расстаться с ней. Мими прожила у них всего две недели и уже произвела подлинно революционный переворот в домашнем укладе не склонного к фантазиям сельского жителя, собака которого спала снаружи на цепи в полной сквозняков конуре, а обычным кошкам полагалось ловить крыс в амбаре и сараях, но чтобы в дом — ни-ни!

Мими же спала не просто в доме, но в кресле Адамса, хозяина, на его плисовом жилете, который он вечером, раздеваясь ко сну, специально стелил для нее. После наступления темноты и в дождь ее не выпускали из дома — и соседи с возмущением в голосе рассказывали, что своими глазами видели, как старик после ужина заботливо насыпал землю в ящик — известно для чего.

И в деревушке среди суровых холмов, где мужчины гордились своей закалкой — еще не забыты были дни, когда они устраивали схватки на выгоне, кто кого перебрыкает, а теперь ни один не позволил бы себе катить детскую колясочку даже в гору, — Адамс, самый

старый, самый закаленный из них, прогуливал по дороге, надуваясь гордостью, сиамскую кошечку в алой шлейке из грубой шерсти. За качество шлейки он извинился.

— Мать, — объяснил он, — как поедет в город, купит настоящую, с бубенчиком. А пока приходится обходиться вот этой, потому как Маймай (так он переименовал ее кличку, и только много месяцев спустя, когда я помогала ему составлять родословную для ее первых котят, выяснилось, что первая владелица назвала ее Мими в честь героини «Богемы» Пуччини), — потому как Маймай первый раз в охоте и надо держать ее подальше от котов.

Я уставилась на нее с удивлением: я ведь слышала, что сиамки в такие периоды доводят своих владельцев до иступления, воплями и визгом требуя мужа, а эта стоит себе на дороге тихая и целомудренная, точно монахиня, хотя лишь тонкий шерстяной шнурочек удерживает ее в стороне от страстных деревенских котов, которые тут кишмя кишат. Я спросила:

— Уж не немая ли она?

— Куда там, — ответил он с гордостью. — Когда есть захочет никакому быку с ней не потягаться, или когда ей мое кресло требуется. А чтоб кота — ни-ни. Порода, одно слово, на простых кошек и не взглянет. А шлейка — это чтоб ее побыстрее на руки подхватить, если на нее кот бросится.

Да в ней все говорило о породе — начиная от узкой темной головы, прекрасной как голова египетской царицы вырезанной из эбенового дерева, и кончая кончиком изящного гибкого хвоста. Я подумала, что еще никогда не видела такого красивого животного, а когда старик рассказал нам, как она, точно обезьяна, залезла по занавеске на карниз, уселась там и отказывалась слезать, а другой раз давай прыгать по комнате с пианино на каминную полку, что твоя

скаковая лошадь, я поняла, что пропала. Ну, совсем Блонден, с тем преимуществом, что, по словам старика, сиамские кошки никогда ничего не ломают и не бьют.

Мне оставалось удостовериться лишь в одном.

— А мышей она ловить может? — спросила я. Уж лучше бы я спросила любителя скоростей, может ли его машина двигаться по горизонтальной плоскости быстрее пятидесяти миль в час.

— Мышей! — вскричал старик Адамс с испепеляющим презрением. — Да она на днях уже приволокла фута в четыре голову уже откусила, а сама с ним играет, как с веревкой.

Несколько недель спустя мы с Адамсом стали оба и умудреннее и печальнее. В следующий раз, когда Мими вошла в охоту, она выдрала подушку из сиденья кресла чуть не свела с ума всю деревню своими воплями, а под конец выпрыгнула из окошка спальни и помчалась по дороге на ферму, где от судьбы, что для девицы горше смерти, спаслась потому лишь, что ее темная восточная мордочка и сверкающие голубые глаза насмерть перепугали тамошнего, в славных шрамах, кота, и он все еще жался за бочкой с дождевой водой, когда миссис Адамс, стеная и ломая руки, пыхтя взобралась по склону следом за ней. В следующее воскресенье старик Адамс навестил нас с Мими: она грациозно семенила следом за ним, вновь воплощение тихой скромности. Он сказал, что его жена, когда в последний раз ездила в город, взяла в библиотеке книгу про кошек, и выяснилось, что сиамок нельзя спаривать, пока им не исполнится год. Если им, сказал он, еще шесть месяцев терпеть, чтобы чуть не каждые две недели чертова кошка надрывалась, требуя кота, а соседи стучали в дверь и жаловались на шум, так он спятит, не иначе. Мы хорошо его понимали. У нас были свои неприятности. За время, прошедшее после нашей прошлой встречи, мы приобрели Саджи, и первым

делом, вступив в свои новые владения, она взлетела вверх по занавескам точно так, как рассказывал Адамс, баллистической ракетой просвистела на птичью клетку и до того напугала Шорти, что он потерял последние хвостовые перья.

На мышей она ни малейшего впечатления не произвела. Как раз накануне ночью они прогрызли дыру в пылесборнике пылесоса, и, когда я его включила, на наш новый индийский ковер кремового цвета хлынул мусор — фунта с два. И я все еще ломала голову, как мне его очистить.

Глава вторая

ДВЕРЬ ЦЕЗАРЯ

Саджи влюбилась в нас с первого взгляда. Чем поставила нас в крайне неловкое положение, так как мы твердо решили, что наша сиамошка будет силпойнт, как Мими, а когда хозяйка сказала, что все котята силпойнт уже распроданы, и предложила взглянуть на двух блюпойнтов — единственных, которые остались, само собой разумелось, что мы согласились только из любознательности.

К несчастью, Саджи этого никто не объяснил. Ее брат, — его уже почти купила какая-то дама, которая забрала одного котенка силпойнта, а за ним намеревалась вернуться, если согласится муж, — так ее брат лишь взглянул на нас и, удалившись в угол, принялся грызть шнур радиоприемника. Однако Саджи не сомневалась, что мы пришли именно за ней. Она сидела на коврикe, словно маленькая ученица в пансионе, которая рядом с упакованным чемоданом ждет, когда за ней приедут и заберут домой на каникулы: глаза у нее были крепко зажмурены от приятного предвкушения и она быстро перебирала передними лапками. Когда я опустилась на колени рядом с ней, она на секунду приоткрыла глаза, голубые как незабудки и даже косящие от радостного возбуждения, приветствовала нас воплем, прямо-таки оглушительным при се миниатюрности, и снова зажмурилась в ожидании полного счастья.

Владелица спросила, не думаем ли мы сами заняться разведением сиамских кошек, а когда мы ответили, что, пожалуй, да, сообщила — так просто, для сведения, — что Саджи блюпойнт только по матери. Ее

отец был силпойнтом чистейших кровей, и, если ее, когда она вырастет, спарить с силпойнтом, ее котята тоже будут силпойнтами. Но, конечно, добавила она, блюпойнты пользуются все большим спросом. Многие считают, что нрав у них приятнее, чем у силпойнтов, ну и, конечно, они очень красивы. Ах да, кстати! Пока мы еще не ушли, нам обязательно надо взглянуть на Анну!

Она открыла дверь и во весь голос позвала Анну. Откуда-то из глубины дома донесся ответный вопль, и по миновании срока, необходимого для того, чтобы спуститься по лестнице с величавым достоинством, появилась Анна.

Сиамка, которую словно бы только что подсинили, производит ошеломляющее впечатление, и мне было почудилось, будто я вижу кинозвезду, которая выскочила за графа или герцога и делает честь своему новому положению. Ноги длинные и тонкие, как у газели, глаза, много светлее, чем у силпойнтской породы, мерцали как два драгоценных камня миндалевидной формы. И ступала она так, будто ей принадлежал мир. Если ее хозяйка надеялась, что стоит нам увидеть Анну — и мы возьмем Саджи, то она не ошиблась в своих расчетах. Но дело было не и красоте, а в надменности, с какой эта кошка, оглядев нас, прошествовала мимо в угол поцеловать сына, которому предстояло жить в доме, где могли позволить себе обзавестись двумя сиамскими аристократами.

Ну как после такого мы допустили бы, чтобы Саджи оказалась Золушкой этого семейства? Когда мы удалились, то вместе с ней, а также с запасом дрожжевых таблеток, пакетом рубленого кролика и родословной, которая была заметно больше ее и сообщала, что отца ее звали Цезарем. Кстати, именно поэтому мы и назвали ее просто Саджи. Хотели-то мы наречь ее Шахерезадой, но поскольку Анна, как и ее

тезка, замуж за короля Сиама все-таки не вышла, мы решили не добавлять истории лишних сложностей.

Сама Саджи была настолько счастлива, что в этот вечер, в первый, и единственный, раз в своей жизни, она ехала домой на машине совершенно безропотно. Ужин она съела до последней крошки. Даже на Шорти она прыгнула только для того, чтобы показать нам, как она намерена в будущем защищать нас от всех созданий больших и малых. Она до того нас полюбила, что ей была непереносима разлука с нами, когда мы наконец легли спать, заперев ее ради Шорти в свободной комнате с новехонькой личной кошачьей корзинкой и грелкой. Она стенала, визжала, выла и причитала, что она совсем-совсем одна и хочет к мамочке. Она вылезла из корзинки и начала вопить под дверь, чтобы нам было лучше слышно, втащила уголок коврика с площадки и принялась рвать его с яростью, какая не посрамила бы и леди Макбет. Когда наконец стало очевидно, что на помощь никто не придет, она выпустила последнее трагическое: «Мяо-у-у, мяо-у-у-у!» — оно тоскливо замерло во мраке, и настала тишина.

Нас сразу же охватила тревога. Что, если она пролежит под дверь всю ночь и простудится? Старик Адамс говорил, что сиамские кошки от простуды погибают. А что, если она уже погибла? Тишина после получасовой какофонии казалась жуткой и противоестественной. Мы считали, что кошкам не место в спальне, и не собирались изменять своим принципам. И все-таки... а что, если...

Первым не выдержал Чарльз. Десять минут он отчаянно напрягал слух, но из соседней комнаты не доносилось ни звука. Ну и он выбрался из-под одеяла, бормоча, что как-никак в эту кошку мы вложили порядочные деньги. Когда мы открыли дверь, Саджи лежала в корзине, свернувшись клубочком и как будто спала, но я готова была поклясться, что она тихонько

ухмыляется. Чарльз, мужчина, естественно, ничего не заметил. И увидел только то, что ему полагалось увидеть — такую маленькую, такую трогательную и несчастную. После чего сказал (как от него и ожидалось), что в первую-то ночь нам следует взять ее к себе.

Осторожно, с бесконечной нежностью он извлек ее из корзинки и положил мне на сгиб локтя, где она со счастливым вздохом тотчас погрузилась в сон. Чарльз, умиротворив свою совесть, хлопнулся на принадлежащую ему половину кровати, натянул одеяло на голову и тоже уснул. Только я бодрствовала. А бодрствовала я потому, что ей до утра снилась Анна и она громко, с голодным вожделением причмокивала прямо у меня над ухом.

Когда мы встали утром, за окном лил дождь, а в доме возник новый кризис. Саджи не воспользовалась своим ящиком! Ее бывшая владелица любезно посоветовала нам, поскольку Саджи еще не привыкла гулять в саду, продолжать использовать это удобство, и мы услужливо снабдили ее самой большой эмалированной формой для печения пирогов, куда насыпали песка из запасов Шорти — старик Адамс сказал, что от сырой земли в ящике сиамские кошки простужаются. Накануне вечером мы показали ей ящик, но она притворилась, будто не заметила его, что было понятно: ведь сиамские кошки обладают утонченной натурой, а она едва-едва познакомилась с нами. Но теперь настало утро, Саджи провела у нас двенадцать часов, а на песочке не отпечаталось еще ни единого следа, точно где-нибудь в центре Сахары.

Завтракая, мы с Чарльзом то и дело выбегали в коридор и убедительно тыкали пальцами в песок. Саджи подскочила к нам и тоже весело потыкала в песок голубой лапкой. Но в ящик не забиралась. Нам нужно было поехать в город, и я была в отчаянии —

вернемся мы только вечером и Саджи к тому времени успеет лопнуть.

Когда мы добрались домой, ящик все еще оставался в небрежении, а Саджи сидела на полу и не двигалась. Нет, она не лопнула, но вот пошевелиться не желала. Ужиная, мы с тревогой взвешивали, не вызвать ли нам ветеринара, и тут Чарльза осенило.

— А что, — сказал он, — если она не любит песка?

Дождь еще не перестал, и мы предложили ей опилки. Они ей тоже не понравились. В панике мы махнули рукой на теории старика Адамса, набили ящик сырой землей из сада и поставили его перед ней. И произошло чудо. С коротким воплем Саджи очутилась в ящике и напрудила в него до края. Забыв про ужин, Чарльз на предельной скорости унесся в сад, сменил землю и опять поставил ящик перед ней. Жеманности за Саджи не водилось. Она снова прыгнула в ящик, задрала торчком хвостик и вскоре уже сидела на полу, во весь голос благодаря небеса, что наконец-то у нас достало ума понять самую простую вещь: Мамочка объяснила ей, что пользоваться чем-либо кроме Земли — Грязно и Гадко.

Так был преодолен этот кризис. Но впереди предстояло еще много всего. Например, первый раз, когда она вышла в сад. Дорожка оставляла желать лучшего — она все время ворчала, что идти по камешкам — больно, но когда мы опустили ее на лужайку и подстриженная трава вдруг уколола ей лапки, она взвизгнула и влетела вверх по моей ноге, клянясь, что ее кто-то укусил. То же самое она проделала, впервые увидев собаку, только для пущей безопасности она вскарабкалась мне на голову по моему лицу и со своей вышки орала на него: пусть-ка попробует забраться за ней сюда!

Ничего хорошего это не сулило. Блонден, пугаясь, проделывал то же самое. Один мой знакомый старичок

чуть было не дал зарок трезвости, когда как-то вечером после закрытия пивной повстречался со мной на дороге и увидел белку, которая поносила его последними словами, восседая у меня на голове под распушенным хвостом, какому и лисица позавидовала бы. А когда я заверила его, что это и правда белка, а не симптом белой горячки, он — нет, чтобы поблагодарить меня! — обошел всю деревню, сообщая каждому встречному, что я не в себе. При мысли о том, что соседи скажут, когда услышат, как я прогуливаюсь с вопящей кошкой на голове, мне и подумать было страшно.

Когда ноги Саджи окрепли и она начала гулять самостоятельно, начались новые неприятности. В первый раз, выйдя в сад без сопровождения, она залезла на крышу гаража, скатилась по наклону и угодила в дождевую бочку. Выбралась она из нее своими силами, прошествовала домой на негнущихся от возмущения ногах и разразилась такой иеремиадой, пока зеленая затхлая вода стекала по ее хвосту на наш злополучный индийский ковер, что Чарльз спасся бегством и тут же скотил крышку на бочку. К несчастью, в следующий раз, когда она вошла в ванную и увидела Чарльза, нежащегося в ванне, ей припомнилось, как она только чудом избежала гибели, и с воплем ужаса она кинулась его спасать. А Чарльз жмурился, и когда Саджи, завывая точно демон, плюхнулась ему на живот, он так перепугался, что взвился из ванны и чуть было не проломил себе череп об аптечку, которую мы повесили там, чтобы до нее не мог добраться Блонден.

После этого Саджи так часто падала в ванну, стремясь спасти нас, что мы начали привязывать к крану плакатик с напоминанием запереть дверь, а уж потом пускать воду. А Саджи — видимо, из-за того, что ей все время надо было сохнуть, — завела привычку, беседуя с нами, стоять задом к электрокамину почти

вплотную. Дважды она подпаливала кончик хвоста, хотя настолько была занята очередной нотацией, что даже не замечала этого. Оба раза Чарльз пролетал через комнату в нырке, какому позавидовал бы и самый именитый регбист, и гасил огонь, прежде чем ей успевало обжечь кожу. Но он заявил, что в его возрасте это вредно для сердца, да и моему сердцу подобное на пользу не шло. В конце концов нам пришлось приобрести экраны из мелкоячеистой сетки, которые безнадежно портят вид любой комнаты, и привязать их веревочками ко всем электрокаминам в доме.

Однако хуже всего было с едой. Пока она жила с Анной, Саджи как будто послушно и кротко съедала положенные ей в день два крупяных блюда, два мясных блюда и четыре дрожжевые таблетки. На второй же день, едва распознав в нас парочку простофиль, которыми можно вертеть как хочешь, она наотрез отказалась от крупяного блюда. Когда мы ели печенку, которая ей разрешалась не чаще одного раза в неделю, или жареную грудинку, которую ей не разрешалось есть вовсе, она усаживалась на столе в чьем угодно присутствии и пускала слюнки, как Оливер Твист. Правда, кролика она кушать продолжала, что было полезно для нее и — в те дни — очень дешево (лицо мясника принимало оскорбленное выражение, если я брала меньше фунта), но только тогда, когда на нее находил особый стих, а потому я то и дело выкидывала отвергнутое мясное блюдо за калитку для обездоленных котят. Само собой, едва появлялись обездоленные котятки, как Саджи выходила за калитку, прорывалась сквозь толпу и уминала кролика с таким наслаждением, что одна милая старушка буквально протоптала впадину по всей длине дорожки, заходя предупредить нас, что наша миленькая кошечка подъедает на дороге какие-то отбросы, и не кажется ли нам, что мы, может быть, чуточку морим ее голодом?

Иногда она снисходила до того, чтобы поесть немножко бифштекса, но при условии, что его кидали ей по кусочкам и так, чтобы кусочек падал прямо у нее под носом. Если он оказывался хотя бы на дюйм вне ее досягаемости, она его не замечала, а стоило ему хотя бы задеть ее по шерстке, как она убегала наверх и забиралась под кровать, вопя, что мы ее бьем. Если же мы ставили перед ней мисочку, полную еды, она, когда бы это ни случилось, изящно чуть-чуть скребла задней лапкой (жест, которым она указывала, что кончила пользоваться ящиком с землей) и удалялась, прижав уши в ужасе от нашей вульгарности.

Молоко она любила — но только если ей разрешалось пить его прямо на столе из молочника. Из положения мы вышли, предоставив молочник в полное ее распоряжение, а себе наливали молоко тайком (чтобы не ранить ее чувства) из бутылки, которую прятали за книжным шкафом. Нас убеждали, что мы ведем себя глупо — надо приучить ее пить из блюдечка, но эти доброжелатели не знали Саджи. Она была живым воплощением железной руки в голубой перчатке с коготками. Из блюдечка она изволила пить только кофе — но потому лишь, что ее мордочка не влезала в узкую кофейную чашку.

Ну а дрожжевые таблетки... Видимо, Анна неизгладимо внушила ей, как важно есть эти таблетки регулярно, если она хочет вырасти большой и сильной кошкой и командовать людьми, но ела она их на редкость неаппетитно — сморщив мордочку, открыв рот, выплевывая недожеванную таблетку на ковер, с каждым разом все более разбухшую и омерзительную, так что под конец мы каждый вечер выкладывали перед ней четыре таблетки, а сами удирали на кухню, лишь бы не смотреть.

Глава третья

ПОМОГИТЕ! ПОХИТИЛИ!

Примерно через месяц после того как Саджи поселилась у нас, я однажды вечером вернулась домой и сообщила, что моя фирма посылает меня в Ливерпуль. Мне придется переночевать там. Чарльз поглядел на меня с ужасом.

—Кто, — осведомился он, — будет присматривать за кошкой?

—Ты! — ответила я бодро. — Сущие пустяки. Дашь ей на ужин рубленой крольчатины, проверив, чтобы в миску не попало ни косточки. На завтрак будет рыба: косточки вытащи все до единой и проследи, чтобы вода не выплеснулась на плиту; утром и вечером смени землю в ящике, а если она начнет орать с выражением нетерпения на мордочке, — значит, землю надо сменить еще раз; вытрешь ее, если она вымокнет; присмотри, чтобы она не играла с Мими (та питала честолюбивую мечту быть единственной сиадкой в деревне, а потому покушалась убить Саджи, когда никто не смотрел); удостоверься, что она съела дрожжевые таблетки; присмотри, чтобы она не выходила, когда стемнеет; позаботься, чтобы она...

Тут раздался громкий всплеск, а затем вопль. Саджи, которая, с тех пор как ей воспретили вход в ванную, выискивала, где бы еще себя показать, шлепнулась в унитаз. Хуже минуты для этого она выбрать не могла. Если у меня и теплилась надежда, что Чарльз согласится присмотреть за ней, теперь об этом нечего было и думать. Он поглядел, как я извлекаю ее из глубин, а она извивается и вопит, содрогнулся, и затем объявил, что у него есть идея. Мы

попросим мою бабушку взять ее к себе на ночь, тогда он сможет отвезти меня в Ливерпуль на машине, и мы оба отдохнем.

Моя бабушка любила животных и, к счастью, еще не успела познакомиться с Саджи, а потому тут мы затруднений не встретили. Но мы не знали, что со времени той первой поездки из города, когда она чинно сидела у меня на коленях, с наивным любопытством смотрела на улицы и шоссе, а иногда — лицемерка эдакая! — умильно мне улыбалась, у Саджи появилось Нечто в отношении легковых автомобилей.

Едва я в то злосчастное утро забралась с ней в машину, даже еще до того, как Чарльз включил мотор, она завопила. Чарльз погладил ее по голове (она еще сидела у меня на коленях) и сказал, что не надо быть глупенькой, ей же нравятся миленькие машиночки. Саджи только того и надо было. К тому времени, когда мы въехали на холм, направляясь к шоссе, она уже стояла на задних лапах, скребла стекло и призывала на помощь. Чарльз сказал, что ее пугает шум первой передачи и, когда мы выберемся на ровную дорогу, все будет в полном порядке. Я не сомневалась, что Саджи понимает каждое наше слово, потому что к тому времени, когда мы проехали полпути до города по плоской, как лепешка, дороге, все прочие водители, проскакивая мимо, грозили нам кулаками и обещали расквасить Чарльзу нос — нечего выписывать по шоссе зигзаги и даже сигналов не подавать! А сам Чарльз орал, чтобы я наконец стащила чертову кошку с его шеи, а не то мы вмажемся в телеграфный столб.

Возвращение было даже еще хуже. Для начала нам пришлось выяснить отношения с моей тетей. Бабушка всегда доходила до крайностей, ублажая домашних любимцев. Когда она была помоложе, у нее жила ручная сова Гладстон, вечно восседавшая на двери ванной. Папа клялся, что в открытую дверь тянуло

таким сквозняком, что по поверхности воды в ванне бежала рябь, а зимой дедушка демонстративно приносил с чердака лохань и мылся в спальне, но все без толку — бабушка запрещала закрывать дверь. Она твердо стояла на том, что люди способны сами о себе позаботиться, а бедненькие немые звери и птицы — нет. А потому либо приходилось принимать ванну под зловещим взглядом Гладстона, весьма возможно сжимавшего в когтях кусочекдохлой мыши, которой его заботливо снабдила бабушка, либо вовсе не мыться.

Я и сама помню, как она, красная от возмущения, помчалась с бывшей моей детской коляской выручать колли — его, как ей сообщили, кто-то заложил в местном ломбарде. На самом-то деле хозяин ломбарда взял пса из жалости, вовсе не рассчитывая, что его когда-нибудь выкупят, и обращался с ним очень хорошо. Однако бабушка была неколебимо уверена, что на него выписали квитанцию и заперли в шкафу вместе с другими заложенными вещами. Она повезла его домой в коляске и объясняла всем встречным, что он от слабости шагу не может ступить, и до слез трогала их жуткой (и очень далекой от истины) историей, как она Собственными Руками доставала его с полки в ломбарде. Мне все это запомнилось так хорошо потому, что именно я потом две недели вывозила Болдуина, как она его нарекла, в парк на прогулку все в той же колясочке. (Естественно, Гладстон к тому времени уже давно съел свою последнюю мышь на двери ванной.) А когда бабушка наконец решила, что он достаточно окреп, чтобы стоять на собственных ногах, опять-таки мне — бабушка же знала, что наших бедненьких немых друзей я люблю не меньше, чем она, за что Господь меня непременно вознаградит, — опять-таки мне пришлось впервые повести его на пешую прогулку и вытерпеть все последствия, когда он вспрыгнул в первую же встречную коляску и уселся на младенца.

Бабушка осталась при своих убеждениях и после того, как, состарившись, уже не могла сама пестовать живых тварей. Например, когда мы впервые оставили у нее Блондена, заверив, что он будет прекрасно себя чувствовать в комнате для гостей, если его запереть там со спальней корзинкой и ветками для лазанья, она уговорила мою тетю Луизу взять его к себе в спальню, чтобы ему не было тоскливо.

Если бы его заперли одного, Блонден спокойно устроился бы в корзине, набитой старыми фуфайками, которой пользовался у себя в беседке. Однако при виде уютной кровати моей тетушки он не устоял: ухватил орех, нырнул под пуховое одеяло и провел там всю ночь, щелкая зубами на манер кастаньет, стоило бедняжке пошевелиться.

Утром она пожаловалась на связанные с этим неудобства, но бабушка только сурово осведомилась,мышь ли она, если пугается невинного крошки, который искал у нее утешения. Прожив пятьдесят лет с бабушкой, бедная тетя Луиза, увы, бесспорно была мышкой, а потому следующие полмесяца делила ложе с Блонденом и его орехами, совсем перестала спать, а в последнее утро обнаружила, что Блонден, вместо того чтобы спать просто под одеялом, предпочел — видимо, чтобы нигде не поддувало, — прогрызть в нем дырку и блаженно спал внутри его. Бабушка, помнится, страшно рассердилась — но не на Блондена, а на тетушку — зачем та разрешила ему портить одеяло?

Естественно, само собой разумелось, что бабушка, если мы привезем к ней Саджи, заставит тетушку взять к себе в постель и ее. Однако мы ничего страшного в этом не видели. Вопреки данному нами зароку, Саджи часто забиралась к нам в кровать. Не прошло и недели, как она обнаружила, что следует ускользнуть наверх, когда мы начнем наливать воду в грелки, и спрятаться точно под центром кровати, откуда извлечь ее нам не

удавалось. А затем, когда свет гасили и она решала, что мы уснули, оставалось только выползти из-под кровати, тихохонько вскарабкаться на нее и ввинтиться под одеяло и ко мне на грудь осторожно-осторожно, чтобы у меня не достало духа прогнать ее.

Единственным минусом, если не считать храпа, была ее манера вставать ровно в пять утра и точить когти о мягкую обивку ящика для одеяла. Но у тетушки такого ящика не имелось, и мы решили, что беспокоиться нечего. Откуда было нам знать, что Саджи использует этот визит, чтобы выработать в себе нечто по отношению к шерстяным вещам?

Позже мы узнали, что темные восточные аспекты натуры сиамских кошек, дающие о себе знать, только когда такая кошка надежно внедрится в какую-нибудь мягкосердечную семью, не так уж редко включают наркотическую тягу жевать что-нибудь шерстяное. Владелец кошачьего питомника, тонкий психолог, объяснил нам, что, по его мнению, они прибегают к этому утешению, когда страдают от одиночества — ну, как ребенок сосет большой палец. И действительно, наши нынешние кошки, проводя время в обществе друг друга, едят шерсть только в поездках. Мы сажаем их в отдельные корзинки в машине, и Соломон, дюжий сын Саджи, обязательно протаскивает в щель между прутьями кончик пледа с сиденья и всю дорогу упорно жует его в перерывах между приглушенными рыданиями. Тетя, однако, психологом не была. Когда она в этот вечер готовилась отойти ко сну, то обнаружила, что Саджи проела несколько дыр в носках, которые она надевала на ночь. И пришла в такую безыскусную непсихологическую ярость, что закуталась в одеяло с головой и не позволила нашему милому котеночку забраться к ней. Саджи, не привыкшая к такому бездушному обращению, в свою очередь пришла в ярость, и тетя Луиза, которая всегда носила

шерстяное белье, утром увидела дырки во всем, что, наоборот, сняла на ночь. У бабушки она не нашла ни капли сочувствия — та только от души посмеялась, а Саджи, запертая на день в пустой комнате во избежание

новых бесчинств, проводила день, изрытая во всю мочь страшные проклятия и издеваясь у дверной щели над жирным холощеным черным котом бабушки, который окаменел от ужаса по другую сторону двери. Это еще больше расстроило тетюшку. Она трепетала при мысли, что кошки доберутся друг до друга и устроят драку, и, когда мы приехали поздно вечером, она была просто в истерике, мучимая совестью, — во-первых, от испуга она не решилась открыть дверь и покормить Саджи, а во-вторых, в ужасе скрыла все от бабушки.

Домой мы ехали молча, ошеломленные воздействием, которое один сиамский котенок оказал на тихий старомодный дом, а на заднем сиденье Саджи упоенно возобновила свою игру в похищенную. Только теперь, пока вокруг никого не было, она сохраняла полную безмятежность и сидела выпрямившись, сложив лапки и чинно обвив их хвостом, храня на мордочке выражение вдовствующей герцогини, возвращающейся из театра. Однако чуть она замечала огни — то ли свет фар встречной машины, то ли в окнах дома, — как бросалась к окошку, трогательно прижималась к нему и взывала о помощи. Она устроила великолепный спектакль, когда мы проезжали мимо кинотеатра, откуда как раз расходилась публика с последнего сеанса, и билась лапками о стекло в жалостном беспомощном отчаянии, какое сделало бы честь и Лилиан Гиш, звезде немого кино, в кадрах, когда ее терзает жестокий отец. Но превзошла она себя, когда мы остановились на красный свет в деловом центре города. Вопли многих сиамских кошек роковым образом схожи с плачем младенца, но в тот вечер Саджи побила

рекорды всех сиамских котят и человеческих младенцев. Она рыдала, она стонала, она завывала, так что прохожие на тротуаре начали заглядывать и пашу машину, сурово хмурясь — ведь внутри, по-видимому, одновременно били, морили голодом и подвергали изощренным пыткам бедную сиротку. Естественно, что Саджи к этому моменту исчезла под сиденьем Чарльза, откуда и продолжала чревоуещать. Вот-вот разъяренная толпа прохожих линчевала бы нас, но тут зажегся зеленый свет, и Чарльз, в дни своей золотой юности участвовавший в автомобильных гонках, рванул с места как ужаленный, чем и спас нас в последнюю секунду.

Польше мы Саджи никогда к бабушке не возили — у Чарльза не выдержали бы нервы. В следующий раз, отправляясь отдыхать, мы поручили ее заботам семьи в соседней деревне — они влюбились в нее, когда однажды, проходя мимо нашего сада, увидели, как она невинно там играет, и прямо-таки умоляли нас в случае, если нам по надобится уехать, оставить ее погостить у Джеймса, их собственного сиамского кота.

Мы поспешно согласились. В последнюю минуту нас зазрила совесть, и мы позвонили им, объясняя, что надо быть обитателем приюта для умалишенных, чтобы согласиться взять к себе в дом нашу кошечку, а потому мы освобождаем их от легкомысленного обещания. Но наши новые друзья и слышать об этом не хотели. Джеймс, сказали они, до трехлетнего возраста был до того лихим котом, что его пришлось прооперировать, поскольку жить с ним под одной крышей стало невозможно. И вот в последние месяцы он преобразился в такого святошу и ханжу, что, по их мнению, общество Саджи могло принести ему большую пользу.

И принесло. За эти две недели единственные минуты покоя выпадали Смитам по вечерам, пока Саджи и Джеймс совещались в недрах граммофонной

тумбочки, внутренности которой были отправлены в починку. Когда крышку приподнимали, в отверстии возникали две головы — одна темная, аристократическая, с римским носом, другая маленькая, голубая, со слегка косящими глазами, — нахала прожигали возмущенным взглядом, и головы вновь исчезали в недрах тумбочки. Там они, вероятно, планировали бесчинства на следующий день, который начинался в пять утра с головокружительного стипльче́за (явно по инициативе Саджи — обычно Джеймс восставал от сна только после полудня) и продолжался с нарастающим крещендо до ужина, к которому они являлись чинные, элегантные, с волосами, метафорически выражаясь, расчесанными на прямой пробор, вкушали пищу с царственным достоинством и вновь пропадали в тумбочке.

А в промежутке они устраивали редкостный бедлам. Мы забыли предупредить Смитов о пристрастии Саджи к воде, и она успела трижды нырнуть в рыбный садок в сопровождении послушного Джеймса, прежде чем люди сообразили, что это не случайные оплошности, и не накрыли садок проволоочной сеткой. И потребовались усилия всей семьи плюс почтальона, чтобы спасти Джеймса, которого Саджи заманила на верхушку пятидесятифутовой ели, а затем на манер Далилы бросила его там висеть, парализованного ужасом, а сама беззаботно соскользнула вниз и принялась насмехаться над ним с лужайки.

Впрочем, когда Джеймс благополучно очутился на земле, он сразу же зазнался, начал расхаживать на гордо несгибающихся ногах, поглядывать на ель и вопить, чтобы все воочию убедились, на какой высоте он побывал, а Саджи взирала на него с нежным восхищенным изумлением. И он отплатил ей добром за добро: украл для нее меховую перчатку миссис Смит, чтобы было с чем играть, и научил рыть ямы в саду.

Последнее было огромным шагом вперед. Мы долгое время тщетно пытались приучить Саджи выкапывать ямки в саду и не пользоваться ящиком с землей. И вот теперь под руководством своего друга Джеймса она постигла это искусство. Но, правда, так и не поняла назначение ямок — для этого она мчалась в дом к своему ящику. Просто она поняла, что кошки роют ямы. И до конца двухнедельного срока она столь усердно копала вместе с Джеймсом эти ямки, что к нашему возвращению сад Смитов напоминал поле былых сражений.

Правда Смиты близко это к сердцу не приняли. Они обладали неистощимым долготерпением. Как они сами сказали, владельцы сиамских кошек умеют стискивать зубы, не то все давно посходили бы с ума.

Глава четвертая

БЕЗОБРАЗИЯ В ДОЛИНЕ

В это лето нашу тихую деревню сотрясали всякие неведомые прежде звуки и шумы. Самыми громкими и наиболее частыми были испуганные квохтанья фазанов, улепетывающих во весь дух, а также грохот, с каким ударялось об пол днище клетки, где проживал Шорти.

Зачем Саджи требовалось гонять фазанов, когда мы жили бок о бок с лесничим, мы так и не выяснили, но было это очень типичным для нее. Все, что угодно, лишь бы что-нибудь сенсационное. Стоило ей услышать легчайший шорох в роще по ту сторону дороги, и она мчалась туда, не заботясь, кто может ее увидеть.

Однажды это произошло, когда с нами в саду приходской священник вел неторопливую беседу о тыквах в связи с приближающимся праздником Урожая. Саджи скромно сидела рядом с ним, истово изображая учительницу воскресной школы, и внезапно мы увидели ее белый задик, воинственно исчезающий в кустах в пятидесяти шагах от нас.

К счастью, священник был близорук и глуховат, а потому не увидел возмутительного зрелища, когда несколько секунд спустя десяток фазанов выскочил из кустов и кинулся вверх по склону, а Саджи мчалась за ними с боевым индейским кличем. И к еще большему счастью, он ушел домой до того, как она вернулась, а потому не услышал, какими эпитетами наградил ее Чарльз, когда она (без фазана) сурово промаршировала в дом и сбросила клетку Шорти с крюка.

Люди срывают сердце разными способами. Малыши пинают стены. Чарльз хлопает дверью — вернее, хлопал до того дня, когда, особенно вознегодовав на

правительство, чуть не преобразил Блондена в бесхвостую мэнскую белку. После этого — поскольку необходимость оглядеть обе стороны двери и ее верх несколько портили эффект — он перешел на курение. А Саджи после падения с дерева, где она слишком уж выкомаривала, или пощечины, полученной от Мими за нахальство, вымещала свою горечь на Шорти, сбрасывая его клетку на пол.

В конце концов мы сообразили, что к чему, и когда видели, как она сердито топает по дорожке — уши прижаты, хвост торчит как накрахмаленная кочерга, — торопились раньше ее проскользнуть в дом и запереть Шорти в ванной. Однако иногда горькая обида настигала ее в наше отсутствие, и узнавали мы об этом по грохоту и отчаянному звону попугаячьего колокольчика, когда клетка летела на пол.

На самого Шорти она никогда не покушалась, и после нескольких таких происшествий Чарльз математически рассчитал, где должна приземлиться клетка, и мы водворили на это место широкое кресло. Но Шорти эти полеты приводили в исступленное бешенство. Когда мы прибегали на шум, то всегда заставляли одну и ту же картину: Саджи на ручке кресла, прижав нос к прутьям, выкрикивает все-все гадости, которые не посмела адресовать Мими, а Шорти (старательно оставаясь на середине клетки) подскакивает от ярости и перебивает ее язвительными воплями, словно толпа — оратора в Гайд-парке.

Если отбросить наши истерзанные нервы,»ущерб, который она причинила, исчерпывался тем, что от ее посягательств у клетки в конце концов отвалилось дно, и его, как и сетки на камины, пришлось привязать веревочкой. Впрочем, оно продолжало отваливаться всякий раз, когда Саджи сбрасывала клетку, но поскольку клетка неизменно оказывалась в кресле верхом вверх, Шорти оставался цел и невредим, а затем

неизменно наслаждался финалом, в котором Саджи, отчаянно взывая о помощи к Анне и Обществу защиты животных, тут же получала пару шлепков.

Шли месяцы, и мы все больше убеждались, что Саджи вовсе не отличалась дурным нравом, просто она была сиамской кошкой. Со временем мы научились узнавать практически с первого взгляда других владельцев сиамских кошек — по их затравленному виду и манере вздрагивать от каждого неожиданного звука. И любой всегда готов поведать жуткую историю своих треволнений. Вот, например, Хо, обитающий в другом конце деревни, видимо, поставил себе целью попасть в тюрьму за грабеж, засадив туда же и свою хозяйку, как сообщницу и пособницу. Он просто входил в чужие дома, крал все, что, по его мнению, могло понравиться его владелице, и относил ей. А она, столп общественной жизни прихода, страшно из-за этого мучилась и тратила томительные часы на то, чтобы возвращать дары любви их законным владельцам — то пару нестираных носков, то пакетик с бутербродом. Но даже она встала в тупик, когда Хо вернулся с мотком желтой шерсти, который никто не признал своим, а на следующее утро приволок рукав, связанный из той же шерсти. Тайна раскрылась только на третий день, когда он явился с остальным вязанием уже на спицах. Следуя за необорвавшейся нитью (как все преступники, Хо допустил единственную роковую ошибку и не забрал клубок), его хозяйка миновала две живые изгороди, обогнула пруд, прошла по проселку и так добралась до фермера, чья супруга уехала на уик-энд и потому не хватилась пропажи.

А Базиль? Возможно, страдая из-за своей изысканной клички, он исчезал при появлении гостей и возвращался с губкой, заимствованной из ванной. Как будто безобидная выходка, но в малознакомом доме, когда мимо тебя непрерывно прокрадывается кошка,

полускрытая большой губкой, невольно начинаешь чувствовать себя неудобно. Во всяком случае, двое гостей, не привыкшие к замашкам сиамов, от второго визита воздержались.

А Хейни? Он упорно похищал у соседской девочки ее любимую игрушку. И не прекратил, даже когда хозяйка купила ему точно такую же. И еще Хейни питал горячую привязанность к ковровой дорожке на лестнице и за несколько месяцев упорного труда превратил гладкий ворс в каракуль, а когда его хозяйка перестроила нижний этаж в отдельную квартиру и свою входную дверь установила на верхней площадке, он выл два дня и начал чахнуть. Ей пришлось перенести дверь вниз, лишь бы не разлучать его обожаемой дорожкой.

А... Но к чему продолжать? По сравнению с кошками других людей Саджи была чиста и невинна, как ангел Ботичелли, пусть даже она и посшибала головки всех тюльпанов, принимая их за бабочек.

Чарльз сказал, что ее беда — переизбыток энергии и надо водить ее гулять, чтобы дать выход ее кипящим силам. В первый раз, когда мы взяли ее в холмы, она была так ошеломлена, что прошла три мили по этой новой, незнакомой стране чудес, изумленно раскрыв глаза, точь в точь Алиса, и ни разу ничего не сказала. А домой вернулась до того усталой, что уснула, не дожидаясь ужина.

Но недаром ее отец звался Цезарем. После двух-трех прогулок в холмы нас уже вела она, подняв хвост, как боевое знамя, и теперь Чарльз — которому чуть ли не каждый раз приходилось спасать ее от неминуемой беды, — теперь Чарльз, когда мы возвращались, падал в кресло и наливал себе коньяк.

Снова и снова он должен был влезать за ней на деревья. И не потому, что она не могла спуститься сама, а потому что она любила, чтобы ее спасали с деревьев. Это пробуждало в ней женственность.

Однажды она погналась за лисицей. Правда, та была с лисенком и с того момента, как Саджи разинула свой широкий рот и провыла, чтобы они немедленно остановились, думала, вероятно, только о том, чтобы спасти своего детеныша от этого чудовища с небесно-голубыми глазами и голосищем, как у осла. Но все равно я десять раз чуть не умерла, пока наконец Чарльз не извлек дочь Цезаря — целую и невредимую, но бранящуюся на чем свет стоит — из зарослей ежевики, где им удалось от нее улизнуть.

А потом был жуткий вечер, когда, сунув любопытный нос в высокую траву за дорогой, она вспугнула влюбленную пару. К несчастью, молодой человек иногда у нас кое-что чинил и был приятелем Саджи, а потому она, вместо того чтобы предостерегающе скосить на них глаза и пройти мимо, как поступала с незнакомыми людьми, тут же уселась и начала во весь голос звать нас — идите поскорей, посмотрите, кого она тут нашла! Того самого приятного молодого человека, который починил нашу цистерну. В конце концов мы уволокли ее оттуда за шкурку. Все мы четверо были пунцовыми от смущения — у девушки, которая разрыдалась и спрятала лицо на груди своего дружка, алой была даже шея. Саджи ничего не заметила. Свисая с плеча Чарльза, точно мешок картошки, она продолжала выкрикивать приветствия еще долго после того, как роковое место осталось далеко позади. А когда молодой человек в следующий раз пришел к нам что-то починить, Саджи подбежала к нему и принялась болтать с таким возбуждением, что он совершенно ясно сообразил, о чем она говорит. И снова стал пунцовым.

Тут мы поняли, почему сиамских кошек водят на поводках. Не ради безопасности кошек, а ради безопасности окружающих. И в следующую же поездку в город мы купили для Саджи поводок и шлейку.

Результат был столь же ужасным, как и неожиданным. Едва мы взяли Саджи на поводок, как она заплясала на нем, точно игрушечный паяц, вопя, что мы Заковали Ее в Цепи, вцепилась задними лапами себе в уши и забилась в припадке посреди лужайки. Другие владельцы сиамов советовали нам не отступать и самодовольно поглядывали на кошек, которые, много себе позволяя в других отношениях, хотя бы в шлейке сидели чинно, как косоглазые Будды. И мы не отступали. И до того нанеотступались, что при одной мысли о том, чтобы погулять с Саджи, сами готовы были свалиться в припадке, но к шлейке ее так и не приучили. В конце концов — так уж и быть, только ради того, чтобы среди себе подобных мы могли держать голову высоко — она изъявила согласие на ошейник с прикрепленным к нему тоненьким шнурочком. И не на шее! Видимо, с ошейником на шее она ощущала себя галерным рабом. Только вокруг живота! Что придавало ей вид танцовщицы с хулахупом и было абсолютно бесполезно, о чем она знала не хуже нас. При виде того, за кем можно было погнаться, она попросту выскальзывала из ошейника и бросалась в погоню.

Все это долгое, полное неприятностей лето нас поддерживала одна мысль: в один прекрасный день Саджи вырастет и народит котят. Было время, когда мы мечтали о котятках ради них самих — это же такая прелесть! — ну и, конечно, еще из-за того, что, если нам удастся их продать за цену вроде той, которую мы уплатили за Саджи, а потом и следующих, мы вполне могли бы купаться в роскоши до конца наших дней. Но теперь мы думали только о том, что, может быть, они ее остепенят.

Старик Адамс лихорадочно грезил о том же касательно Мими и наталкивался на неожиданные препятствия. После ее первой попытки бежать с дворовым котом старик Адамс принял самые жесткие

меры, оберегая ее целомудрие. При первом же вопле, в котором его чуткое ухо различало нотку сладострастия, при первом же намеке на томное извивание на земле (хотя Мими могла просто принимать пылевую ванну) она запиралась на чердаке в обществе своего ящика с землей, пока опасность не оказывалась позади.

Наконец, к великому облегчению всех соседей, Мими исполнился год, и старик Адамс начал подыскивать ей подходящего жениха. Первый удар — все самцы в округе оказались холощеными. Второй последовал, когда он прокатился десять миль на велосипеде к даме, которую ранее превознес до небес за то, что у нее хватило порядочности оставить животное таким, каким его сотворила природа, а она запросила три гиней гонорара за услуги своего любимца.

Его чуть не хватил insult. С его точки зрения, хотя у него было полное моральное право продавать котят Мими и неплохо на них зарабатывать (он уже сообщил нам, что надеется выручить за них больше, чем за клубнику), требовать плату за участие в этом деле кота означало верх безнравственности. Никому, ревел он, вернувшись и молотя кулаком по нашей калитке так, что она тряслась, — как всегда, когда принимал что-то к сердцу (к большому нашему огорчению, так как со стороны казалось, что вывели его из себя мы), никому, кроме старой девы, такое в голову не пришло бы, и пусть его черт поберет, если он будет плясать под ее дудку!

Только Богу известно, чем бы все это кончилось! Мими вопила бы на чердаке от неразделенной страсти, ее владелец упрямо отказывался бы как уплатить за услуги кота с родословной, так и позволить ей спариться ради всеобщего покоя с дворовым котом — мы больше часа втолковывали ему тонкости генетики, но он остался при убеждении, что стоит Мими хоть раз

Сбиться с Пути, как он деликатно выразился, она так без конца и будет рожать беспородных котят. Но тут старик Адамс сменил врача.

Врачей он менял постоянно — со времени нашего знакомства он уже проделал это дважды. С первым он расстался из-за того, что тот ездил на спортивной машине, и, когда взносы на национальное здравоохранение повысились, старик Адамс безоговорочно объяснил это бесшабашностью, с какой врач расходовал бензин. Второго покинул, видимо, просто за компанию с дантистом, от которого отказался из-за каких-то недоразумений со вставными зубами.

И теперь он переметнулся к врачу, только что обосновавшемуся в соседней деревне. Старик Адамс, записавшийся к нему на следующий же день после его переезда, отозвался о нем весьма одобрительно: очень приятный молодой человек и сразу разобрался с его артритом. И, как мы поняли, лишь по чистейшему совпадению доктор оказался владельцем нехолощенного сиамца Аякса. И по чистейшему совпадению в следующий же раз, когда Мими пришла в охоту, артрит старика Адамса до того разыгрался, что он слег и вызвал нового врача к себе.

Тот, очевидно, умел разбираться не только с артритом, и едва услышал вопли Мими на чердаке и узнал печальную повесть о ее безответной любви, как тут же съездил домой за Аяксом. Несомненно, и врач он был хороший. В тот же вечер старику Адамсу так полегчало, что он забыл про артрит и, торжествуя, посетил «Розу и Корону».

Глава пятая

БЕЗОБРАЗИЯ ПОВСЮДУ

Саджи в первый раз пришла в охоту в сентябре, когда мы отдыхали в Шотландии, а она вновь гостила у Смитов. Собственно, мы этого ждали. Согласно справочнику, при раннем развитии у сиамских кошек половая зрелость может наступить в четыре месяца, а Саджи к этому моменту стукнуло аж семь, и была она до того развитой, что хоть на стенку лезь, из чего следовало, что она приберегает силы для наиболее подходящего случая.

И при пособничестве Джеймса разыграла она это великолепно. Первый вопль она испустила во время званого обеда и до смерти перепугала всех, начиная с самой себя. Смиты, сообразив, в чем дело, только-только успели заверить самых нервных гостей, что кошка вовсе не взбесилась, как она вновь позвала, и даже еще громче. После чего, поведали они нам потом, и глаза их остекленели при одном воспоминании, Джеймс, услышав ее голос сквозь туманы снов и на миг позабыв, что он уже не тот кот, каким был прежде, галантно выпрыгнул из тумбочки и попытался заняться с ней любовью на половичке, а Саджи в ужасе залезла на торшер и опрокинула его на блюдо с котлетами.

Но Смиты и после этого остались нашими друзьями — вот какие это люди! Даже не разрешили нам заплатить за торшер. Однако предупредили, что Саджи наделена исключительной, как они выразились, способностью звать. В конце концов им пришлось запереть ее в свободной комнате, где Джеймсу разрешалось навещать ее, когда он хотел, и через пару дней он убедил бедную пленницу, что в жизни есть еще

многое другое, кроме любви (она, сообщили Смиты, вышла оттуда безмятежно, будто ничего подобного и не случилось вовсе, выпила целый молочник, чтобы промочить глотку, и весело отправилась с ним рыть ямы в саду), но эту пару дней они даже собственных слов не слышали.

Прежде чем ее зов раздался в нашем присутствии, прошло порядочное время. После первого дебюта она так долго воздерживалась от этого голосового упражнения, что в нас возникли черные подозрения. Нам припомнились лунные октябрьские ночи, когда она не желала возвращаться домой и мы ложились спать без нее и ворочались без сна, рисуя в воображении всяких лисиц и барсуков, пока около полуночи она не взлетала по лестнице, вопя, что и понятия не имела, как уже поздно, и почему, почему мы ее не позвали? И теперь нас неотступно терзала мысль, что в простоте душевной она завернула в лес, где, едва она открыла рот для первого трепетного зова, на нее накинута какой-нибудь кошачий донжуан. Или — что было более в характере Саджи — она скрыла свои любовные муки и сознательно отправилась на поиски кота, сообразив, благодаря приобретенному у Смитов опыту, что стоит ей позвать, как мы посадим ее под замок и все испортим. Саджи, естественно, знала, как обстоят дела, но помалкивала. Шли недели, мы поглядывали на нее с возрастающим подозрением — она, бесспорно, полнела, хотя, возможно, потому лишь, что расставалась с детством, — но она только лукаво ухмылялась и потягивалась, выставляя себя для обозрения. А когда мы сурово спрашивали, что она себе позволила, негодяйка прищуривалась и чуть слышно упоенно взвизгивала.

Приближалось Рождество. Саджи все еще не начинал звать, и в конце концов мы решили, что сомневаться до нее нельзя. Старик Адамс потирал руки

и ликующе готовился к минуте, когда Мими разрешится от бремени, мы же укоризненно покачивали головами, глядя на Саджи, и готовились скрыть ее позор.

Как выяснилось, мы напрасно огорчались, а он радовался. Беременность Мими оказалась ложной, и он остался без котят, а Саджи, ужасно гордая тем, как одурачила нас, на Рождество львиным ревом возвестила, что ей требуется кот. Видимо, на нее влияли праздничные события. Угостившись индейкой (я никогда не забуду благоговения в ее взгляде, когда она впервые узрела индейку: просто видно было, каким презрением она прониклась к фазанам), погуляв в лесу и проверив, не найдется ли там еще индейка, она быстренько выиграла партию игры в «вверх-вниз», смахнув все фишки на пол, а затем внезапно опрокинулась на спину и завела свою песню. Мой деверь посмотрел на нее с испугом и спросил, что происходит. Помня о присутствии детей, я ответила с многозначительным видом: «Ничего. Она иногда проделывает такое, когда перевозбуждена». Наши племянники, девятилетние близнецы, переглянулись в ужасе, тут же отодвинули «вверх-вниз» и объяснили, что орет она так потому, что ей нужен муж.

Смиты не преувеличили, назвав ее способность звать исключительной. Голос Саджи всегда был мощным даже для сиамки, и от ее любовной песни могли лопнуть барабанные перепонки. Днем она ходила по пятам за нами и оптимистически валилась на спину, стоило взглянуть на нее, и все это под непрерывные вопли. Ночью она шумно металась в свободной комнате, завывая еще яростней, так как мы были не в силах терпеть этот сольный концерт у себя над ухом и отказались пустить ее к себе на кровать. На заре двадцать седьмого декабря мы не выдержали. Чарльз, кляня на чем свет стоит всех сиамских кошек, унес ее вниз и запер в ванной.

Дом у нас старой постройки, и ванна не просто расположена на первом этаже, но отделена от остальных помещений каменной стеной двухфутовой толщины. Когда через какое-то время вопли, теперь — какое блаженство! — еле слышные, умолкли вовсе, мы самодовольно заверили друг друга, что Саджи далеко не дура и прекрасно отдает себе отчет, когда победа остается за нами. В первый раз за двое суток мы погрузились в спокойный сон.

Секунду спустя в саду началась гомерическая кошачья драка, и мы чуть из кожи не выскочили.

— Саджи! — взвизгнула я и одним прыжком вылетела с кровати на лестницу.

— Быстрее! — понукал меня Чарльз, тем не менее задержавшись, чтобы надеть тапочки и завязать пояс халата, прежде чем помчаться следом за мной.

Саджи была в полной безопасности. Нет, хотя, по нашему убеждению, ей вполне это удалось бы, она не пролезла в отдушину и не открыла окно ломом, а восседала на подоконнике, словно царица средневекового турнира, и упоенно косилась на двух могучих рыцарей, которые сражались за ее благосклонность на клумбе нарциссов.

Она продолжала звать неделю, и каждую ночь под окошком ванной разыгрывались кошачьи бои. Потом через две недели она снова начала звать. Мы намеревались выждать, пока ей исполнится год, но это оказалось выше человеческих сил. И в одиннадцать месяцев Саджи, к величайшему ее восторгу, стала невестой.

Сочеталась она с котом по кличке Рикки в питомнике сиамов в сорока милях от нашей деревни — кота корыстной старой девы мы сочли слишком плоскомордым, а Аякс как раз неромантически страдал от нарыва в ухе. Владельцы Рикки сказали, что Саджи была такой прямолинейной кошкой, каких им еще

видеть не приходилось, и самой зычной. Обычно молоденькие сямки нервничали, и требовалось дня четыре, чтобы они спарились надлежащим образом, однако нам позвонили уже вечером второго дня: относительно Саджи никаких сомнений нет, и не заберем ли мы ее поскорее? Она выводит из равновесия всех остальных кошек, а Рикки не только не выглядит торжествующим котом, но бродит по своему вольеру с затравленным видом и вздрагивает, едва услышит ее голос.

Ну, во всяком случае, думали мы, устало возвращаясь домой с Саджи, которая на заднем сиденье все еще истерически оплакивала разлуку со своим любимым супругом (его владельцы рекомендовали нам поддержать ее под замком еще дня два, а не то она, пусть и поклялась любить его до гроба, может утешиться с дворовым котом и все-таки родить полукровок), — во всяком случае, это все-таки осталось позади и мы обречем немного покоя.

Мы постоянно строили такие прогнозы относительно Саджи и всегда попадали пальцем в небо. После самого шумного брака в истории питомника Саджи закатила беременность, которая не могла бы быть сложнее, даже проштудируй она сначала медицинский справочник. Во-первых, через два дня, мечтательно погрузив о Рикки (больше времени потратить на грусть она не могла, ей же надо было уложиться в девять недель), она порадовала нас утренней тошнотой. А может быть, она вдруг начала стыдиться своего скандального поведения в питомнике. Но как бы то ни было, она совершенно перестала есть, сидела такая несчастная, с закрытыми глазами, довела себя до температуры в сорок градусов, так что ее пришлось везти в метель на стрептомициновые уколы.

Едва этот кризис остался позади... «Когда вы любите животных, они превращают вас в своих рабов!»

— сказал ветеринар, сентиментально глядя в ее печальные голубые глаза, но даже он не мог предвидеть спектакля, когда среди ночи, внезапно обрета аппетит, она потребовала, чтобы ее накормили крабовым паштетом на подушке Чарльза. Так вот, едва этот кризис остался позади, как у нее развилась страсть к тарталеткам с джемом. Обязательно с джемом, хотя джем она оставляла нетронутым, и обязательно украденным. Если мы предлагали ей такую тарталетку, она реалистично рыгала, делала пренебрежительный жест задней лапой и удалялась. Но стоило предоставить ее самой себе, как она за день уничтожала их целую тарелку — тайком утаскивала из кладовой в ванную, где аккуратно объедала края, а серединку с джемом оставляла на полу, потом Чарльз наступал на них и разносил по всему дому.

Воспламененная, как нам казалось, желанием, чтобы все ее котята родились силпойнтами, как Рикки, — а он был подлинным Юлом Бринером кошачьего мира (массивные темные плечи, грозная клинообразная голова), — Саджи помимо того выпивала столько кофе, сколько никак не могло уместиться в кошке, и по непостижимой причине пристрастилась жевать бумагу — привычка, которая оказалась особенно вредной в тот день, когда она съела телеграмму тетушки Этель, тетки Чарльза.

Когда тетушка Этель решала погостить у кого-нибудь из родных, она всегда извещала о своем прибытии телеграммой, не давая им таким способом увернуться. А поскольку мы, как она не уставала нам повторять, жили в дикой глуши, в телеграмме указывалось, каким поездом она приедет, дабы Чарльз знал, когда поехать на станцию встретить ее.

А потому мы поняли, что погибли, когда в холодный дождливый вечер она эффектно возникла на пороге, мрачно взглянула на нас над залитым дождем пенсне и

объявила, что не только Тщетно Целый Час Ждала на станции, но, сверх того, такси, которое она Вынуждена Была Взять, сломалось у поворота на нашу дорогу. (Оно всегда ломалось, когда им пользовались приезжие: Фред Ферри предпочитал по мере возможности не рисковать своими рессорами на наших колдобинах.)

Тетушка Этель отказывалась верить, что мы никакой телеграммы не получали. Она Ее Отправила — и все. Ситуация отнюдь не улучшилась, когда Чарльз позвонил на почту и спросил — гневно, чтобы умиротворить тетушку Этель, — что, черт дери, они сделали с телеграммой. Почтмейстер, человек отнюдь не слабодушный, спросил в свою очередь: а что, по-нашему, с ней сделали? Да он самолично подсунул ее нам под дверь, когда вышел прогуляться, и ему в руку вцепилась чертова кошка. Почему, хотел бы он знать, у нас нет почтового ящика, как у всех нормальных людей?

А почтовый ящик у нас был — висел на двери кухни, как отлично знал почтальон. Чарльз убрал его с парадной двери после того, как Блонден в один прекрасный день чуть не обезглавил себя, засунув из любознательности голову в щель, где она и застряла. Если, сообщил Чарльз изумленному почтмейстеру, телеграмму подсунули под парадную дверь, пропасть она могла только одним способом. Наша кошка ее съела.

И съела-таки. Пока Саджи следила за нами, стратегически заняв пост на верхней площадке лестницы, а тетушка Этель в расстроенных чувствах ждала объяснений у нижней ступеньки, мы обнаружили неопровержимую улику — изжеванный мокрый уголок конверта — под стулом в прихожей.

А потом произошло прямо-таки чудо. Тетушка Этель уже вознамерилась удалиться в благородном негодовании (она недолюбливала наших животных с

того дня, как Блонден беспечно пустил ей за шиворот теплую струйку, пока она дремала в кресле, и это, сообщила она нам ледяным голосом, было Последней Каплей), когда Саджи встала и медленно, тяжело спустилась по ступенькам.

Ее фигура уже приобрела грушевидную форму, хотя пока никаких неудобств от этого она не испытывала. Еще и недели не миновало, как она погналась за птичкой через сад с такой энергией, что ободрала нос о штакетник. Не очень серьезно, а ровно настолько, чтобы на пару дней стать еще более косоглазой, стараясь рассмотреть царапину. И она все еще вихрем взлетала по древесным стволам без видимых дурных последствий. Если, конечно, отбросить Чарльза, который стонал и сжимал виски в ладонях всякий раз, когда она задевала ветку своим — мы надеялись — ценным грузом котят.

И вот теперь, к нашему вящему изумлению, она спустилась слабеющей походкой, точно каждый шаг давался ей с невероятным трудом, жалобно посмотрела в глаза тетушке Этель и сказала:

— Уааааа!

Не исключено, что ей и правда было худовато — давал о себе знать съеденный оранжевый конверт. В любом случае, до конца этого визита тетушки Этель мы не знали никаких тревог. Ночью она засыпала, держа Саджи в сострадательных объятиях, а днем нежила у себя на коленях, ласково поглаживала ее уши и объясняла бедняжке, какие нехорошие хозяева ей достались: допустили, чтобы с милой малюткой сотворили эдакое.

Милая малютка и бедняжка, упиваясь сочувствием, как способны лишь сиамки, скорбно со всем соглашалась. Послушать ее, так она даже думать о замужестве не желала и в Дорсет мы ее приволокли за волосы на ее невинной головке.

Но нас это не трогало. Впервые за долгие-долгие месяцы — причем в присутствии не только Саджи, но и тетушки Этель! — мы обрели подобие покоя.

Глава шестая

ВХОДЯТ ЧЕТЫРЕ ГЛАДИАТОРА

Котята Саджи родились в марте. Весь жуткий вечер мы убеждали ее рожать в картонной коробке, устланной газетами, как рекомендовалось в книге о кошках, а она раз за разом вылезала из коробки и гневным шагом отправлялась вверх, негодуя, прижимая уши при одной мысли о таком непотребстве. Родились котята сразу после полуночи на нашей кровати (она сказала, что иначе вообще рожать их не станет). Чарльз и я сидели справа и слева от нее с книгой о кошках под рукой и с тревогой ждали осложнений.

Но их не последовало. Все произошло тихо, мирно, деловито и быстро, только последний оказался вдвое меньше первых трех — исключительно по ее вине, указал ей Чарльз: предупреждал же он, чтобы она прекратила лазить по деревьям.

И тут же мир и тишина надолго покинули наш дом. Проснувшись утром, мы сделали тягостное открытие: Саджи, которая никогда ничего не делала наполовину, решила стать Идеальной Матерью.

И пока это длилось, жизнь превратилась в ад. Первые дни она не оставляла котят почти ни на секунду. Когда ей хотелось есть, она выходила на верхнюю площадку и орала. Когда же мы приносили ей еду, она либо уже лежала в корзинке и кормила их, будто они были нежными лилиями, готовыми увясть прямо у нее на глазах, либо нетерпеливо расхаживала взад и вперед, как коммивояжер в ожидании поезда.

А котята ей подыгрывали. Единственный раз, когда мы уговорили ее ненадолго спуститься вниз с нами, не

успела она привычно скосить глаза на Шорти, как сверху донесся пронзительный вопль, и она помчалась вверх, перепрыгивая через ступеньки и крича: «Видите, видите, что случилось, стоило мне уйти от них на Мгновение? Их Похитили!»

Только сумасшедшему могла прийти мысль похитить эту ораву, и она прекрасно это знала. С той секунды, когда каждый торжественно открыл один глаз задолго до того, как им было положено, и все они зловеще прищурились на окружающий мир точно китайские пираты, стало ясно, что с ними надо держать ухо востро. Однако идея похищения добавила перчику к мелодраме. Из просто идеальной матери Саджи преобразилась в идеальную мать, защищающую своих детей от похитителей.

А похитителем мог оказаться любой. Когда священник заходил выпить чаю, она уже не забиралась к нему на колени, не осыпала волосками его лучшие черные брюки, а оставалась в прихожей и бросала на него зловещие взгляды из-за двери. Когда появлялся рассыльный мясника, она уже не мчалась, опережая всех, чтобы посекретничать с ним касательно печенки, а свирепо сверкала на него глазами из окна и кричала: «Еще Один Шаг, и я вызову полицию».

Когда же полиция явилась в лице констебля Макнаба, чтобы вручить повестку Чарльзу, который как-то утром по вполне понятной причине въехал в город в сонном забытии и на два часа оставил машину прямо под знаком «стоянка запрещена», Саджи закатила такой скандал, что мы ничуть не удивились, когда Макнаб, выйдя за калитку, достал записную книжку и сделал в ней пометку, — несомненно, о нарушении общественного порядка. А когда тетюшка Этель приехала на субботу с воскресеньем специально, чтобы посмотреть котят, и мы принесли их вниз, полагая, что уж с ней-то ничего не произойдет — с самой

задушевной подругой их матери! — Саджи чуть с ума не сошла.

Одного за другим со всей возможной быстротой она хватала котят за шкурку и мелодраматично уносила в свободную комнату. Весь прошлый год, когда приходило время спать, она во весь голос горько жаловалась, что комната эта — Гнустная Темница и уж лучше бы ей сразу родиться Марией-Антуанеттой! А теперь выходило, что это единственное место в мире, где ее котятам ничего не грозит. Тетушка Этель виновато последовала за ней с корзинкой и оброненным котенком, которого подобрала на лестнице, но Саджи, мужественно неся стражу в дверях, зарычала на нее настолько реалистично, распушив хвост и вздыбив сиамскую боевую гривку, что тетушка Этель слетела по лестнице с быстротой, на какую я не считала ее способной, и уехала со следующим же поездом.

По-моему, даже Саджи признала, что немножечко перегнула палку. Либо так, либо ей просто надоело играть в идеальных матерей. Как бы то ни было, на следующее же утро она в семь часов свалила котят к нам на кровать с такой беззаботностью, словно никогда в жизни не слышала о похитителях и похищениях, отправилась в лес и вернулась только в девять. С этой минуты она недвусмысленно давала нам понять, что котята находятся на нашем попечении не меньше, чем на ее.

С тех пор мы нередко гадали, не было ли связи между тем фактом, что в следующие недели этих котят постоянно роняли на головы, и тем, какими они выросли. Каждое утро минимум один из них стучался об пол, пока Саджи в неистовстве прыгала на кровать, запихивая котят в мои объятия с елико возможной быстротой. Хотя мы не зашли бы так далеко, как Саджи, и не объявили бы его Испорченным (она никогда не трудилась поднять упавшего, а только раздраженно на

него взглядывала и бежала за следующим), было ясно, что на пользу им это пойти не может. И следует заметить, что чаще других падал на голову Соломон.

Все, кто его знал, рано или поздно спрашивали, почему, собственно, мы назвали его Соломоном. Так уж подшутила над нами его матушка. Прекрасно зная, что мы решили оставить себе кота из ее первого помета для демонстраций и назвать его (с остроумным изяществом, как мам казалось) Соломон Сильный, она услужливо родила трех мальчиков, чтобы у нас было из кого выбирать, с горячим интересом следила, как мы две недели с книгой про кошек в руке обсуждали их достоинства и решали, какого же оставить себе, а под конец могла хохотать до упаду, когда выяснилось, что выбора-то у нас и нет! И судьба с самого начала предназначила для нас того, которого мы сразу забраковали за большие лапы, уши как у летучей мыши и полное отсутствие мозга. Все остальные, включая и крохотную кошечку, оказались блюпойнтами!

Вдобавок к прочим недостаткам Соломона усы у него были пятнистыми. Задолго до того, как у него на носу и папах появились темные мазки, предостерегая нас, что он наш навсегда, мы отличали его от других благодаря этой его особенности. Ну, точно орхидея, — сказала тетушка Этель во время следующего своего визита, извлекая его из ведерка с углем — она помирилась с Саджи, и та в знак дружбы высыпала на колени тетушке Этель своих извивающихся, пищащих деток, а его, по обыкновению, уронила за борт. «Точно бамбучина» было бы точнее. Ну да, бамбук или орхидея, узнавали мы его по усам, как того, кто всегда питался лежа.

Когда мы впервые обнаружили это, нам чуть дурно не стало: три котенка сосут что есть мочи, расположившись для удобства на четвертом, а он словно бы в обмороке. Трижды мы извлекали его из-под

них, чтобы он мог вздохнуть, однако минуту-другую спустя он опять оказывался в той же позе, и у нас возникли подозрения. Когда мы подняли верхний слой котят и посмотрели хорошенько, наши подозрения подтвердились. Пока троица пищала, толклась и царапалась, чтобы занять более удобную позицию, большелопый с пятнистыми усами блаженствовал под ними на спине, получив в свое распоряжение оба задних соска.

И когда его перестали от них отрывать, он, естественно, вскоре стал самым крупным из четверых и любимцем Саджи, чем и объяснялся тот факт, что роняла она его чаще прочих.

Когда ей хотелось привлечь к себе внимание (а зрелище и правда было очаровательным, должны мы были признать скрепя сердце), именно Соломона она тащила по дороге, самодовольно ухмыляясь над его толстенькой белой головенкой в ответ на рукоплескания. Однако прогулка эта по духу была прогулкой кинозвезды, которая катит по Гайд-парку колясочку со своим отпрыском под щелканье фотокамер, а потому Саджи обычно роняла Соломона, едва войдя в калитку, предоставляя нам его выручать. Иногда она перебиралась через ограду и роняла его в канаву. И обязательно роняла, когда предпринимала какой-либо сложный маневр — например, прыгая на кровать. И чем больше он становился, тем чаще она его роняла. Когда она тащила Соломона вверх по лестнице, его толстенькое белое тельце стучалось о каждую ступеньку. Тетушка Этель после заведомо тщетной попытки отнять его у Саджи в одном таком случае мрачно предсказала, что он вырастет психически сдвинутым. Разумеется, не сбыться такое предсказание не могло — еще не родилась сиамская кошка, у которой с головой все было бы ладно. Однако приходится признать, что странностей у Соломона, когда он все-

таки вырос, оказалось куда больше, чем у среднего сиамы, включая непреодолимое желание, чтобы его таскали за шкурку. Если учесть, что Саджи, стоило ей отказаться от роли идеальной матери, сразу же преобразилась в беззаботную мать-кукушку, остается только поражаться, каким образом эти котята умудрились выжить. Когда их требовалось помыть, она мыла их с таким ожесточением, что они только-только не вылезали из шкурок. А если они ее раздражали, она кусала их так сильно, что они вопили о пощаде. То есть все, за исключением Соломона, который кусал ее в ответ, а затем, когда она кидалась на него, опрокидывался на спину и так умилительно махал всеми четырьмя темно-коричневыми носочками, что получал дополнительную кормежку, пока остальные не видели.

Ей не помешало бы пройти курс детского питания. Когда котяткам исполнился месяц и нам согласно книге о кошках следовало отнять их от груди и давать им другую молочную пищу, она заявила, что для них такое молоко не годится, и выпивала его сама. Когда миновало полтора месяца и мы просто с ума сходили, так как — несомненно по ее указаниям — котята при виде блюдечка крепко жмурились и еще крепче закрывали рты, однажды утром мы обнаружили, что она тайком кормит их огромными кусками кролика из собственной миски и с гордостью наблюдает, как они дерутся за каждый кусок, точно тигры.

И ведь она прекрасно знала, что так не годится. Она опустила уши, пока мы читали ей лекцию о их нежных желудочках, а потом поглядела на нас из-под ресниц и сказала, что во всем виноват Соломон. И возможно, сказала правду. Едва начались неприятности с подкормкой, именно Соломон внушал нам наибольшую тревогу — может ли такой крупный котенок существовать только на материнском молоке? Подумать

страшно! И вот теперь он стоял в миске по колено в кусках кролика и пожирал их так что за ушами трещало. Как бы то ни было, в козлы отпущения был избран Соломон — и не из нехороших чувств, а потому что она считала его замечательным и верила, что мы не устоим перед таким обаянием.

Когда она украла носок из лучшей желтой пары Чарльза и показала ликующим котяткам, как прогрызать в нем дыры, чтобы он стал похож на решето, то, опомнившись и сообразив, что она натворила, именно на Соломона была возложена миссия отнести нам жалкие остатки, пока остальная компания в волнении ждала на площадке, готовясь пуститься наутек.

Когда как-то вечером мы отправились в кино, легкомысленно оставив их на нашей кровати — они так уютно устроились на покрывале, а было холодно, — именно Соломон (остальные во главе с Саджи нырнули под кровать, едва на лестнице слышались наши шаги) остался в одиноком миниатюрном величии объяснять, откуда на новехоньком одеяле взялся рядок дырок по краю. Ему пришлось нелегко. Только у одной кошки рот был достаточно велик для этих круглых мокрых дырок, а она распростерлась под кроватью, притворяясь узором на ковре. И только у одной кошки хватило бы сил откинуть покрывало и вытянуть одеяло. Соломон, развернув от ужаса свои огромные уши во всю ширь, слушал, пока мы объясняли ему, кто эта кошка, что она такое и что с ней будет, когда мы ее изловим. Ясно было одно: если он хочет спасти мамочку от еще невиданного телесного наказания, надо действовать без промедления, и он не промедлил. Я приподнимала край одеяла, причитая, что оно погублено, и тут Соломон, чьи глаза горели вдохновением, прыгнул и всунул в дыру толстую коричневую лапку. Вот, сказал он, в какую увлекательную игру они играли перед

нашим приходом. Вот почему мамочка прогрызла эти дырки, и было так весело! Вот сами попробуйте!

Мы никогда не могли устоять против этой хитрой мордочки. И попробовали. Секунду спустя кровать уже кишела радостными котятами, которые упоенно бегали по покрывалу и засовывали лапки в дыры, а Саджи, возникшая как по волшебству, едва поняла, что опасность миновала, ухватила Соломона за шкурку и в награду беззаботно сдернула его с подушки.

Но только этой наградой она не ограничилась. Я чуть не хлопнулась в обморок, когда в тот же вечер после ужина он гордо вошел в гостиную, щеголяя пятнистыми, пышными, как куст дрока, усами по одну сторону носа, а по другую зияла пустота. Ему тогда было всего восемь недель, и мы решили, что усы выпали, так как он обожрался кроликом. Тогда мы не знали, что матери-сиамки иногда обезображивают таким способом своих любимых котят, если очень ими довольны.

Это сообщил нам ветеринар — довольно грубо, решили мы для человека, которому якобы нравятся сиамские кошки. А сообщил он нам это в тот же вечер, а вернее, в половине двенадцатого ночи.

Глава седьмая

СОЛОМОН ВЕЛИКИЙ

Когда несколько дней спустя Смиты пришли к чаю с Джеймсом впервые после рождения котят, Соломон набросился на него. Нам бы следовало предвидеть что-нибудь в этом роде. С момента потери усов, которую он явно счел знаком посвящения в рыцари, Соломон сделался невыносимым. Он заявил, что он — Глава Семьи, и нередко приходилось наблюдать, как глава семьи бесславно утаскивается на спине за угол для промывания ушей. Допустить в дом чужого кота значило нарваться на неприятности.

Беда была в том, что пригласить Смитов без Джеймса мы не могли. Они брали его с собой повсюду — и на почту, и на званный чай к священнику. А не то, объясняли они (и мы, сами владельцы сиамского семейства, прекрасно их понимали), а не то он устраивал Содом и Гоморру, а соседи предъявляли претензии.

Держу пари, он предпочел бы тихонечко посидеть дома, знай, что ему угрожает. Прямо-таки опять вижу, как он изящно ступает по дорожке в своей алой шлейке и иногда останавливается понюхать цветок. Саджи поздоровалась с ним у двери. Пожалуй, чуть подозрительно, но Саджи всегда встречала гостей подозрительно, что придавало их визитам куда больше пикантного интереса. Они бок о бок пошли в гостиную, где, сообщила Саджи, ее семейство ну просто горит желанием познакомиться с ним. И я вновь переживаю жуткий момент, когда Соломон, ошетилив свои односторонние усы от ненависти, вылетел из-под стола,

выпрямился на все свои шесть дюймов и зашипел на него.

Не успев начаться, наше церемонное деревенское чаепитие превратилось в бедлам. Саджи, вопя, что он Напал на ее Сына, накинулась на Джеймса. Джеймс, который и лапой не пошевелился, в спор вступать не стал и поспешно ретировался через блюдо с огуречными сандвичами. А Соломон, вне себя от возбуждения, укусил миссис Смит за ногу. Еще долго после того, как Джеймса, дрожащего точно осиновый лист, увезли домой, а мы подмели осколки вазы, прежде стоявшей на окне, Соломон продолжал рассказывать нам про ногу миссис Смит.

— А потом я укусил Джеймса, — распевал он, сидя на кухонном столе, где мы устало резали для них кроличье мясо. — А потом я загнал его на самый верх занавески. А потом я снова его укусил...

Но он выдавал желаемое за действительное. На самом деле Джеймса укусила Саджи. Едва миссис Смит вскрикнула, как Соломон ракетой метнулся под бюро, остальные котята за ним, и следующие двадцать минут мы его не видели, если не считать двух круглых, как шарики, глаз, которые ошарашенно взирали на кавардак и опустошения. Но в этом был весь Соломон. Вдобавок ко всему из него вырос кошачий барон Мюнхгаузен.

Обычно, готовя еду для котят, мы запирали их в прихожей. Как сказал Чарльз в тот день, когда ударил себя ножом по пальцу, чего можно требовать от человека, если четверка пиявками повисает у него на ногах, а Саджи испускает голодный вой у него над ухом? Когда миски ставились на пол и дверь в прихожую открывалась, в нее входили не просто котята, а врывался конный отряд помощников шерифа с Соломоном во главе. Прижав уши, задрав хвосты, они тесной кучей проносились по гостиной, по коридору и в

кухню, а по пятам за ними устремлялась в атаку Саджи с таким же энтузиазмом (хотя и чуточку смущенно), как любой из них.

Однажды дверь в сад оказалась открытой, и Соломон, у которого в жизни были лишь две цели — Есть и выбираться Наружу, рассеянно увлек свой отряд во двор и лишь потом спохватился. Проходивший мимо старик Адамс громко восхищался тем, как лихо Соломон затормозил в облаке пыли, повернулся и с громовым ревом повел остальных в атаку на миски. «Этот махонький черныш, — сказал он, — родись он лошадью, вырос бы в отличного гунтера».

Соломон это запомнил. Со временем он таки вообразил себя конем и устроил нам веселую жизнь. А пока он сосредоточивался на том, чтобы быть главой семьи, в чем тоже весьма отличался.

По утрам, когда отряд вырывался из парадной двери и взлетал на сливовое дерево с такой скоростью, что глазам было больно смотреть (половину своего времени они проводили на сливовом дереве, следя сквозь листву за ни о чем не подозревающими прохожими, а вторую — сидели на подоконнике в прихожей, прижав носы к стеклу, горько жалуясь, что Вот Сейчас мимо проходит кто-то интересный, а они его Не Увидели!), именно Соломон всегда мчался впереди, вопя, что Сегодня Утром он первый залезет на Самую Макушку. И всегда именно Соломон после первого прыжка, достаточного, чтобы перемахнуть через крышу, повисал на стволе футах в двух над землей и отчаянно требовал, чтобы мы Побыстрее Его Сняли, у него Голова Кружится.

Единственный раз, когда он все-таки оказался на макушке (мы решили, что его вознесли туда остальные карабкавшиеся следом котят), он пришел в такое неистовое волнение, что, увидев приближающегося священника, свалился ему на голову. Ни он, ни священник не пострадали, хотя последний побагровел и

— впервые за наше знакомство — чуть было не помянул черта, ограничившись, правда, замечанием, что если уж нам понадобилось дать ему библейское имя, так почему мы не назвали его Вельзевулом? И с тех пор он, когда шел навестить нас, всегда останавливался на почтительном расстоянии и оглядывал сливу, прежде чем открыть калитку. Но он мог бы не тревожиться. Соломон не повторил своего подвига. Наш маленький мечтатель с коричневой мордочкой, хотя и будил весь дом в пять утра, требуя, чтобы его поскорее выпустили — он чувствует, что на Этот Раз у него получится, — не способен был залезть туда даже за самой соблазнительной приманкой.

Мы непрерывно спасали его откуда-то или от чего-то. Если не со сливы, так с четвертой перекладины ворот из пяти перекладин, выходивших на дорогу. Саджи, обожавшая покрасоваться, постоянно подстрекала свое потомство забираться на самый верх с явной целью предложить людям, идущим через лес, умилительную картину Мать с Котятами На Верху Калитки.

Картина и впрямь была бы эффектной, если бы Соломон мог забраться туда. Однако, когда появлялись люди, Соломон, оскорбленно стеная, находился на предпоследней перекладине, безнадежно там застряв, а Саджи, вместо того чтобы, как планировалось, ухмыльнуться им, скромно сощулив глаза, в окружении симпатичных котят, лежала, растянувшись, на животе и отчаянно пыталась подцепить его лапой.

Соломон никогда не терзался из-за того, что ему не удавалось забраться на сливу, но по какой-то непонятной психологической причине фиаско с воротами больно ранило его самолюбие. В конце концов он стал их чураться. Когда остальные котята с воплями восторга взбирались по столбу и начинали, точно канатоходцы, прогуливаться по верхней перекладине,

держа свои нелепые хвостишки вертикально, как миниатюрные флагштоки, и возбужденно повизгивая, чуть кто-то соскальзывал и опасно повисал на одной лапе, Соломон удалялся в гордом одиночестве и садился на кизильник.

Это был стелющийся кизильник — он рос у стенки угольного сарая, достигая в высоту аж трех футов, и просто сердце надрывалось при виде Соломона, который восседал на нем, пытаясь придать себе вид покорителя Эвереста. Даже остальные котята его жалели. Однажды, когда Саджи испустила свой трубный клич, призывая их живописно расположиться на воротах, они дружно направились к кизильнику, где уже пребывал Соломон. К несчастью, Соломон их не ожидал, свалился и растянул сухожилие на лапе. Чтобы ни случилось, он всегда оказывался в проигрыше.

Единственно, чем он безусловно превосходил их (не считая самых больших лап и самого большого аппетита), так это голосом. Конечно, и у них, как у всех сиамских кошек, голоса были ничего себе. Даже кошечка, куда более тихая, чем ее братцы, и склонная предаваться безмолвным медитациям на занавесочном карнизе, иногда пугала наших гостей, испустив надтреснутым сопрано протяжное «Уооооо», если ее осеняла особенно глубокая мысль.

Но Соломон еще котенком мог бы по силе голоса потягаться с лягушкой-быком. И говорил он без умолку. Иногда мы слышали, как он болтает в самые глухие часы ночи. Когда мы отправлялись посмотреть, не случилось ли чего (мы никогда не оставляли без внимания ночные звуки с тех пор, как обнаружили Блондена за дверью, вознамерившегося удушиться под подкладкой рукава пиджака), и всякий раз трое других котят мирно похрапывали, точно беленькие ангелочки, Саджи лежала на боку, приоткрыв один глаз, и, видимо,

от души желала ему провалиться в тартарары, а Соломон, сидя в корзинке, беседовал с пауком.

Соломон любил пауков. Если ему попадался слишком старый или немощный, неспособный убежать, он съедал его шумно, с открытым ртом (привычку эту он унаследовал от Саджи), одновременно беседуя и одобрительно чавкая. Потребовалось некоторое время, чтобы установить, кто из котят, поглощая кроличье мясо, время от времени издает экстазное «Вухухууу!» точно маленький товарный поезд в Скалистых горах, но в конце концов им оказался опять-таки Соломон.

Он обладал своим особым словарем, который ради собственного блага мы быстро научились понимать. Когда в дверь гостиной просовывалась темная голова и выпускала негромкое, но настойчивое «вуууу», этим мы и наши гости оповещались, что земля в ящике грязная и, хотя он просит извинение за свое вторжение, ее надо немедленно сменить. Соломон не любил грязной земли в ящике. Хриплое «уааооо», сопровождаемое стуком, доносившимся из кухни, где он мужественно пытался открыть дверь кладовки, означало, что ему хочется есть. Громкие протяжные стенания откуда-то с холма за коттеджем указывали, что Соломон, с шумом и помпой отправившись с остальными как Глава Семьи, опять отстал и хочет, чтобы его спасли. Не разговаривал он, только когда сосал Саджи, — стоило ему открыть рот, и он лишался своего места. А потому в такие моменты он взамен крутил своими огромными ушами, словно собираясь взлететь.

Разумеется, Соломон не был единственным котенком с характером среди детей Саджи. Но он был единственным силпойнтом, мы собирались оставить его себе, а потому, естественно, обращали на него больше внимания. Его два голубых братца уже выбрали себе карьеру: они нацеливались стать специалистами по вольной борьбе. Эти двое были настолько похожи, что

даже мы не умели их различать, пока в один прекрасный день Соломон не укусил Саджи за хвост, а тогда она с досады решила, что он больше не ее любимый котенок, и отгрызла усы у одного из них. И они были неразлучны, хотя их взаимная привязанность отличалась своеобразием, чего, впрочем, и следовало ожидать от детей такой матери, как Саджи. Они никогда не сидели, уютно прижавшись друг к другу наподобие котят, украшающих рождественские открытки. Нет, они вечно сплетались в тесных объятиях, стараясь вышибить дух друг из друга.

Их сестричка тоже выбрала себе карьеру. Она собиралась стать сиамкой-вамп и уже сейчас старательно обольщала для практики Чарльза и Сидни — парня, помогавшего в саду. По вечерам она надолго устраивалась на коленях Чарльза, смотрела на его лицо полузакрытыми глазами и трепетала от страсти, когда он поглядывал на нее.

По субботам и воскресеньям, когда Сидни косил траву или окучивал картошку, она с неумолимой решимостью томно повисала у него на шее, вдвое снижая производительность его труда, за который он получал в час три шиллинга шесть пенсов. Она вела с ними обоими долгие интимные разговоры, которые сразу обрывались, стоило появиться мне, а когда я упоминала в той или иной связи о грядущей продаже котят, Чарли и Сидни смотрели на меня как на Горгону, пока их подружка прихорашивалась на заднем плане. Впрочем, оставалось еще несколько недель до того, как вопрос о их продаже всерьез встал бы на повестку дня. А тем временем с облегчением, к которому с моей стороны примешивалось немало дурных предчувствий, мы готовились на Троицу уехать из дома. Предчувствия объяснялись тем, что после рокового чаепития просить Смитов приютить их нам не хотелось и мы зарезервировали Саджи и котят место в приемнике,

где она спаривалась. Он специализировался исключительно на сиамских кошках: там они получают собственный домик и обширную личную территорию для прогулок. Несомненно, им там будет хорошо. Единственное «но» заключалось в том, что до приемника от нас сорок миль.

Это меня тревожило. Настолько тревожило, что всю предыдущую неделю я просыпалась на заре в холодном поту от одной только мысли о предстоящей поездке. Чарльз, разумеется, сохранял обычный оптимизм. Кто-то рассказал ему, что для кошек существуют транквилизаторы, и он обещал взять что-нибудь подходящее у ветеринара. Саджи он даст его сам. Котята поедут в корзинке, а Саджи всю дорогу до Холстока мирно продремлет у меня на коленях. Проще простого.

Наверное, так оно и было бы, запасись он транквилизатором для слона. Бесспорно, первые двадцать минут мы ехали в блаженном покое: Саджи сонно поглядывала через мое плечо на проносящиеся мимо деревья, а сзади доносилась лишь легкая возня. Затем действие транквилизатора кончилось, и все вернулось на круги своя. Сумасшедший дом. И с лихвой. Саджи носилась по машине как борзая, вопия, что не только ее Похитили, но еще и Одурманили, и где, где ее обожаемые детки? Чарльз кричал: Да хватай же ее во имя всего святого, не то мы разобьемся!» Котятки упоенно присоединились к общему веселью, прижали мордочки к отверстиям и орали, что они здесь, здесь, мамочка! А я тихонько подвывала.

Как мы доехали, понятия не имею. Попробовали сбросить скорость — никакого толку, только у прохожих появилось больше времени таращить глаза. Попробовали прибавить скорости — и Саджи истерически метнулась под педаль сцепления, чуть не отправив нас всех на тот свет. Мы посадили ее в

корзину к котятam, надеясь, что они приведут ее в себя, — и через пятьдесят ярдов должны были снова остановиться и вытащить ее из корзины, пока она их не передала. Затем, едва мы завершили эту операцию и привязали корзину на место, как раздался оглушительный вопль — Соломон просунул свою большую глупую башку в отверстие и повис, задыхаясь и визжа от ужаса, а его голова торчала наружу точно охотничий трофей на стене.

Это была одна из самых страшных минут в моей жизни. Даже Чарльз словно обезумел. Выпрыгнул из машины, захлопнув дверцу, чтобы Саджи не выскочила следом за ним, и начал торопливо выворачивать на траву содержимое своих карманов. В ответ на мой вопрос, что с ним, он крикнул, что ищет перочинный ножик.

— Есть только один способ спасти Соломона — расширить отверстие!

— И убить его, — крикнула я. — Между шеей Соломона и краем отверстия и пчелиного жала не просунуть, не то что лезвие ножика! Вот посмотри.

Я протянула руку, чтобы продемонстрировать, как крепко Соломон застрял, — и Соломон тотчас прокусил мне палец до кости. «Ну, — подумала я, — если у него хватает сил на это, так он выдержит и то, что я сейчас сделаю!» Я прижала ладонь к его мордочке, зажмурилась и надавила. Раздался звук, словно кто-то всасывал воздух, Соломон успел, на счастье, укунить еще один палец, и его головка провалилась внутрь, как пробка в бутылку.

И мы покатили дальше. Дантов Ад на колесах. Роковое отверстие заткнуто шарфом, моя рука замотана полотенцем, а Саджи, причина всего, кружит и кружит по машине, как юла. В Гладстонбери мы нашли лавку, где продавались корзины, купили самую большую с крышкой и засадили в нее Саджи. Теперь она хотя бы

лишилась возможности прыгать на нас и на педали, зато всю свою энергию начала расходовать на вопли.

Мы не чаяли добраться до Холсток живыми. И изумились еще больше, когда все-таки добрались до питомника и открыли корзины. Из одной грациозно вышла Саджи, безмятежно-спокойная, и испустила приветственный крик. Из другой вывалились четыре игривых котенка, ничуть не утомленных дорогой, и первым вывалился Соломон, а мы-то опасались, что он сляжет!

Когда мы попрощались с ними, они ползали вверх-вниз по сетке своего вольера, словно гусеницы. Однако мы договорились позвонить вечером в питомник, чтобы узнать, как они себя чувствуют. Чарльз опасался, что они просто ошеломлены и последствия шока скажутся позднее. Когда после ужина я услышала, как он позвонил миссис Фрэнсис, а затем испустил стон, то решила, что его предчувствия сбылись. Однако, положив трубку, он заверил меня, что все в полном порядке.

— Просто Саджи разглядела Рикки в другом конце питомника и принялась приветствовать его во весь голос, а котята, — добавил он мрачно, — нас подвели: им так понравился их уютный, блистающий чистотой ящик с землей, что они улеглись в нем спать.

Глава восьмая

УЩЕМЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ОРГАНА

— Кошки, — сообщил старик Адамс, уныло облакачиваясь о калитку и нахлобучивая шляпу на глаза, — они почище дьявола будут.

Из его слов мы заключили, что, всем его усилиям вопреки, у Мими опять начался период охоты. Уже три раза она проводила с Аяксом медовый месяц на чердаке, оглашая окрестности экстатическими воплями, и трижды старик Адамс напрасно молился о том, чтобы услышать топоток маленьких лапок. Не только Мими отказывалась побить доходностью клубничные грядки, но и от самих грядок ждать дохода не приходилось — как-то ночью два поклонника Мими затеяли между ними драку и поломали все цветки.

Старик Адамс сказал, что ничего понять не может. Он напрочь отвергал теорию миссис Адамс, будто причина в том, что у Аякса есть жена и он, как и положено хорошему мужу, не желает даже смотреть на других кошек. Старик Адамс обозвал ее старой дурой. Но не потому, что она заговорила о жене Аякса. Все пациенты доктора Такера были знакомы с супругой Аякса, стройненькой, с глазами, кроткой лани по имени Андромаха. У нее имелись два основания прославиться. Во-первых, она укусила рассыльного из бакалейной лавки — многие домашние хозяйки, которых он допек своим нахальством, были бы рады последовать ее примеру. А во-вторых, она так любила Аякса, что, и обзаведясь котятками — то есть тогда, когда кошки бросаются на кота и бьют его, едва он появится, — пускала его в корзину к ним.

Это-то старик Адамс знал. Он сам видел, как могучий, весь в боевых шрамах Аякс нежно вылизывал ушки последней партии своих отпрысков, пока Андромаха принимала солнечную ванну на крыльце. За это старик Адамс называл его подкаблучным дурнем. Чтобы он сам да стал бы утирать рожи своих детей, пока его супружница греет задницу на солнце?

Однако старик Адамс наотрез отказывался поверить, будто Аякса напрочь не интересуют другие кошки. «Коты, они не дураки», — сказал он. Впрочем, и никто другой этому не верил, пока серия странных событий не заставила их призадуматься. Андромаха, придя в охоту, когда Аякс был отправлен лечить ухо к ветеринару, как-то ночью вылезла через окно кладовой и отправилась прогуляться с котом по кличке Нельсон, который проживал в «Гербе Плотника». Это была дивная майская ночь, воздух благоухал цветущим боярышником, а в роще романтично пел соловей. Аякс был далеко-далеко с пенициллиновым порошком в ухе, а Нельсон был рядом, пылая любовью, и вот через девять недель родилось семь черно-белых котят в корзине на веранде докторского дома, и пищали они голосом Нельсона.

За этими котятами Аякс не ухаживал. Сколько Андромаха ни терлась усами о его усы, сколько ни повторяла, что их отец — ты, глупенький! — и, наверное, во всем виноват пенициллин, Аякс в черном и белом разбирался. И был знаком с Нельсоном. Как-то ночью он его чуть не убил на крыше «Герба Плотника», а когда в следующий раз гостил у Мими, с такими глупостями, как верность жене, ныло покончено. Мими разрешилась шестью крепенькими Аяксиками, и старик Адамс удовлетворенно потирал ладони, но миссис Адамс успешно угасила его радость, повторяя, что, на ее взгляд, нехорошо это, нехорошо, и в конце концов он потребовал у нее ответа, чего она от него-то хочет.

Чтобы он свозил чертовых кошек в брачную консультацию?

Естественно, чистейшей воды случайность. Просто Мими принадлежала к кошкам, которые спариваются с трудом. И все равно люди говорили, что от такого поневоле призадуматься. Однако в тот день, когда старик Адамс сетовал, прислоняясь к нашей калитке, этот поразительный оборот событий был еще в будущем. А мы не ведали, какие нас поджидают трагедии. В тот момент нас заботило только то, каким образом заставить Саджи и четверку маленьких тиранов вести нормальный образ жизни.

Это потребовало массы стараний. Например, когда у нас кто-то гостил, мы уже не могли запираť их в свободной комнате. В то время когда Саджи пользовалась этой комнатой как детской, мы, удобства ради, перетащили туда ящик с песком, и, по убеждению котят, он стал ее обязательной принадлежностью, незыблемой, как Гибралтарская скала. После крайне неловкой ночи, когда Соломон (он по лени никогда не пользовался ящиком перед сном вопреки наставлениям Саджи, а потому вынужден был вскакивать в глухую темень) чуть было не сорвал дверь с петель, вопя, что ему требуется незамедлительно пойти, а мы тщетно втолковывали ему, что ящик на лестничной площадке отвечает самым взыскательным требованиям, гостей туда мы больше не помещали, а сами спали там с котятами, ящиком и прочим, уступив свою комнату гостям.

А гостей нам приходилось отбирать очень тщательно. Одно дело оставить Саджи сидеть на столе во время еды и в случае необходимости быстренько ее убрать, сделав вид, будто мы не понимаем, что на нее нашло — обычно она никогда себе ничего подобного не позволяет. И совсем другое, когда кошка и четыре котенка, едва стол накрыт, шествуют по нему, точно

отряд Армии Спасения, и уютно располагаются вокруг судка. Это уже за исключительный случай не выдашь. Бесполезно было и запирасть их в прихожей, объяснив, что мы так всегда поступаем, садясь за стол. Они поднимали такой шум, вопили и прыгали на дверь, что гости обязательно просили, чтобы из-за них бедняжечек не запирали, и сами спешили открыть дверь. После чего бедняжечки мчались через комнату прямо на стол с такой целеустремленностью, что последний тупица понял бы, где они обычно сидят, когда мы едим.

К тому времени, когда мы отсеяли знакомых, которым не нравилось, что в их тарелки, пока они едят, заглядывают котята, знакомых, которых не устраивало, что Соломон срыгивает им на колени пауков (главный паучий недостаток — абсолютно неудобоваримые ноги), и знакомых, которые не желали играть в канасту, если котята жевали карты или на пробу совали лапки им в уши, не осталось практически ни одного потенциального гостя.

Да оно, пожалуй, было и к лучшему. Наше жилище выглядело не слишком презентабельно. Например, лампа на столике, переделанная из подсвечника XVIII века и до того изогнутая, что на ум невольно приходил пассажир у борта, страдающий морской болезнью. Гости, склонные к романтическим фантазиям, могли вообразить, что его в миг душевного волнения уронила на мраморные ступени лестницы прекрасная дама или им воспользовались, как оружием в пьяной стычке, аристократы эпохи Регентства. На самом же деле он погнулся в тот день, когда четверо котят попытались разом преодолеть его в скачках с препятствиями, которые они устроили в гостиной, и вернуть ему прямизну нам так и не удалось.

На бюро прежде стояли кувшин бристольского стекла, старинная пивная кружка в виде головы в треуголке и фарфоровая статуэтка бретонской пряхи.

Бристольский кувшин отправился к праотцам на следующий день после того, как Саджи вывела своих детишек из свободной комнаты. Когда я вбежала, услышав звон бьющегося стекла, Соломон сидел там, где только что стоял кувшин, и смотрел вниз на осколки круглыми как блюдечки глазами, а Саджи и остальные котята внимательно смотрели на муравья, который, клялись они, сию секунду скрылся за углом. Соломон сказал, что кувшин сам упал, едва он туда залез, и почему кувшин теперь совсем другой?

Мы так и не узнали, кто отбил голову бретонской пряжи. Все усердно учились ловить мышей в дальнем конце огорода, когда мы нашли на ковре ее обезглавленное тело, а когда они вернулись к обеду, то заверили нас, что для них это тоже тайна за семью печатями.

После этого мы, оберегая наше последнее сокровище, при появлении котят заботливо ставили пивную кружку ни пол, хотя с тем же успехом могли бы оставить ее на прежнем месте. Обнаружив, что верх бюро теперь свободен и чист, они прирастились сидеть там всей компанией, решая, чем заняться дальше, и вот в один прекрасный день голубые братцы затеяли показательный бой, Соломон заявил, что должен сидеть впереди, ведь он самый главный, его сестричка яростно отказалась подвинуться хоть на йоту, а то он заслонит от нее Чарльза, и в результате они все одним клубком свалились на кружку точно бомба, и ей пришел конец.

Куда бы мы ни смотрели всюду видели хаос и запустение. Покойное кресло в углу, задрапированное драным пледом из машины — не для защиты от котят (надежду оберечь его мы потеряли давно: когда им хотелось поточить о него коготки, они просто отгибали плед), но чтобы скрыть тот факт, что теперь набивка торчит из него пучками на манер фантастической

африканской прически. Пятно на ковре там, где Соломона стошнило после того, как он умял две кремовые булочки за один присест. И еще одно — где Чарльз уронил кофейник в тот день, когда кошечка, которая все еще была немногим больше мыши, влюбленно вскарабкалась по его ноге, но не по брючине, а под ней.

Тетушку Этель эти пятна очень сердили. Чарльзу следовало бы научиться держать себя в руках, а мне следовало бы понимать, что котят в таком возрасте кремовыми булочками не кормят.

Просто смех! С того дня как Соломон в первый раз забрался на стол (очень простым способом: вскарабкался по занавеске и спрыгнул с нее, когда оказался на уровне пищи), кормить его нужды не было. Он сам брал то, что ему нравилось. К сожалению, чаще ему нравилось то, что было для него вредно.

Например, креветки. Предложите креветку Саджи — она зажмурится и сообщит, что вообще никогда ничего не ест. Предложите ее голубой парочке — они нюхнут и с новым пылом продолжат очередную схватку. Предложите ее кошечке, которая была такой разборчивой, что мы удивлялись, как это она еще не потребовала, чтобы еду ей доставляли из Дочестера, — и она скажет, что креветка Грязная, и спрячет ее под коврик. Предложите ее Соломону, просто дайте ему понюхать ус креветки, и он пойдет за вами хоть на край света: глаза на коричневой мордочке блестят от предвкушения, розовый язычок облизывает мордочку чуть не до бровей.

Соломону нравились чесночная колбаса, ливерная колбаса, пшеничные хлопья и веревочки. В первый раз увидев, как веревочка исчезла у него во рту (а затем он икнул так, что его буквально приподняло), мы в жуткой панике позвонили ветеринару, но он устало вздохнул и рекомендовал нам не тревожиться, особенно если речь

идет о Соломоне, которого он иначе как страусом не называл. Природа обо всем позаботится. И она позаботилась, как и во всех остальных случаях, когда мы заставляли его за поеданием веревочки в окружении остальных котят, которые восхищались им так, будто он был звездой цирка и исполнял свой коронный номер. Разумеется, именно таким он себя и воображал. А мы все равно каждый раз пугались до смерти. Я боялась, что он подавится и задохнется, а Чарльз красочно рисовал, как она змеится по его внутренностям. У нас гора с плеч свалилась, когда он сделал замечательное открытие, что теперь способен взять в рот мячик для пинг-понга, и вместо того чтобы жевать веревочки, начал изображать из себя овчарку.

Пауки, веревочки, иногда зазевавшаяся на капусте бабочка, которую Соломон съедал вместе с крылышками, неудивительно, что его часто тошнило. Но ни разу, ни разу его так великолепно не рвало, как в тот день, когда он скушал кремовые булочки. А съел он их, что бы ни утверждала тетушка Этель, по чистой случайности. Телефон зазвонил, когда я разбирала покупки. Я сгребла в охапку рыбу, отбивные, колбасу и бекон — все, на что Соломон плотоядно облизывался, сообщая, что он их очень любит, и спрашивая, будут ли они поданы к чаю, — и на всякий случай унесла их с собой. Всего неделю назад, болтая по телефону, я увидела, как мимо проследовала процессия, ведомая главой семьи и уносившая на лужайку два фунта бекона.

Пакет с булочками я оставила, так как Соломон прежде никогда никакого интереса к ним не проявлял. А теперь за неимением лучшего взял да и проявил. Я еще не кончила разговаривать, когда он явился ко мне сообщить, что наелся. Шло время, он вел себя все тише и тише, а глаза у него становились все круглее и круглее, а в заключение он занял позицию на середине

ковра, и наши последние сомнения исчезли. Сейчас Соломона стошнит.

Середина ковра была местом, где наших кошек рвало. Обычай этот завела Саджи, чтобы ненароком не испустить дух, пока мы не смотрим, и к этому времени мы наловчились подкладывать газету, едва раздавалось первое судорожное покашливание. И на этот раз все сошло бы отлично, если бы деревенской язве не понадобилось именно в эту минуту явиться за пожертвованием на церковный орган. Естественно, она вошла в гостиную, даже не постучав (Чарльз считал, что потому-то ей и поручался сбор пожертвований). Она вошла, на середине ковра точно эльф с лицом в сажу сидел Соломон, и мы не успели вмещаться, как с визгливым «ду-у-усик!» она подхватила его и крепко прижала к своей массивной, облеченной в твид груди.

И Сол не сдержался. Он испустил полный отчаяния вопль и вывернул содержимое своего желудка на ее лучшую шелковую блузку и на ковер. Она пришла в неистовую ярость. И не желала ничего слушать, даже когда Соломон извинился и объяснил, что булочек ведь было две, а она сильно нажала ему на животик, но Ничего, он теперь чувствует себя Гораздо Лучше. Она не стала ждать нашей лепты, но гневно покинула наш дом и тут же заявила священнику, что слагает с себя полномочия. Люди ее постоянно оскорбляли, сказала она, но когда люди дрессируют кошек, чтобы их на нее рвало, — нет уж, увольте!

Вот чем, как еще долго Чарльз растолковывал всем и каждому, объяснялось не только пятно на ковре гостиной, но и то обстоятельство, что клавиатура органа в нашей церкви так и осталась практически без единой черной клавиши.

Глава девятая

НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ГАЙАВАТОЙ

Примерно тогда же возобновились неприятности в ванной. С появлением котят страсть к воде у Саджи исчезла. Она сейчас так занята, твердила она, устраивая передышку от хлопот с протестующими котятами, что ей и подумать о себе некогда. А потому Чарльз вновь начал оставлять дверь открытой, когда нежился в ванне — так ему было слышно радио. И вообще, сказал он, если не считать сердечной спазмы всякий раз, когда мимо, топоча будто стадо слонов, проносился отряд шерифа, направляясь на кухню, то минуты в ванной вновь стали тихими, мирными, освежающими.

Затем как-то раз от отряда отделилась кошечка, чтобы помыть лапку. На нее наступил Соломон, сообщила она, а ей не хочется быть Грязной, когда она встретится с Сидни. Кинувшись за остальными маленькой голубой кометой (в нашем доме никто никогда не ходил шагом), она пропустила поворот к кухне и влетела в открытую дверь ванной, и прежде чем кто-нибудь успел остановить ее, раздался громкий всплеск, и она очутилась в воде. Когда я вошла в ванную, Чарльз лежал на спине, все еще сжимая губку и с выражением горькой покорности на лице, а его подружка, вся мокрая, радостно восседала у него на груди и объясняла, как сильно она его любит. С этих пор, даже если она болтала с Сидни в дальнем конце сада, стоило ей слышать шум воды в ванной, как она влетала в дом сверхмолнией и садилась перед дверью ванной, требуя, чтобы ее пустили. Несколько секунд спустя Соломон, никогда не упускавший возможности

пустить в ход свой голос, огибал угол и начинал требовать того же. В завершение являлись голубые ребята, и дружная компания орала во всю мочь. Остановить их было можно, только впустив внутрь. Но мы не могли этого сделать, пока в ванне оставалась вода, так что во имя сохранения тишины и покоя мытье приходилось завершать за пять секунд, вытаскивать затычку, выпрыгивать из ванны и открывать дверь для почтенной публики, едва стечет последняя вода.

Ничего такого они в ванне не делали, просто им хотелось быть в курсе всего, что происходило. Иногда, сказал Чарльз, свирепо вытираясь, — а четыре тронутые сажой мордочки с интересом следили за ним из ванны, и Соломон, как всегда снедаемый любопытством, жаждал узнать, зачем он снимает с себя шкуру, когда моется, и не больно ли снова ее натягивать, — иногда ему кажется, что, принимая ванну посреди Трафальгарской площади, он чувствовал бы себя в большем уединении.

Правду сказать, Чарльз тогда сердился на котят, потому что они помешали ему стать стрелком из лука. Его приятель — Аллистер увлекался этим спортом, и как-то они с соседним фермером пошли стрелять кроликов. Аллистер захватил с собой лук и стрелы — так просто, для смеха. Фермер выстрелил в кролика с двадцати шагов и промазал. Аллистер тут же пустил стрелу наугад и пронзил кролика!

— Ух ты! Ну прямо Робин Гуд, — сказал фермер, глядя на него с почтительным изумлением. И хотя Аллистер скромно заявил, что попал в кролика ну совершенно случайно, Чарльз вернулся домой с твердым намерением тоже стать Робин Гудом.

Он начал штудировать книги о стрельбе из лука. И купил себе шляпу. Вообще-то он шляп не носит, но стоит ему увлечься тем или иным видом спорта, и у него тотчас появляется соответствующий, как он считает,

головной убор. Вязаный шлем, например, для покорения высот, хотя в Озерном краю он вряд ли рисковал отморозить уши. Зато глухоту шлем ему обеспечил — когда я высказала мысль, что, по-моему, мы забрались уже достаточно высоко. И еще один — красный в белую полоску, связанный (мною) с сумасшедшей скоростью в ту зиму, когда у нас выпал снег и Чарльз, штудировавший в тот момент книгу о Крайнем Севере, заявил, что первопроходцы всегда надевали полосатые вязаные шапки, когда шли рубить дрова. Ну а теперь он обзавелся шляпой лучника — зеленого цвета, с загнутыми полями и щегольским пучком фазаньих перьев (его собственная выдумка). Оставалось только научиться стрелять из лука. И вот как-то под вечер пришел Аллистер со всем своим снаряжением, и они отправились тренироваться на холм.

Полчаса спустя в кухню вступила печальная процессия. Впереди Чарльз, дрожащий как осиновый лист и с голубыми ребятами в руках; рядом маршировала Саджи, скосив глаза, распушив хвост и вопя, что он Чуть Не Убил Их Всех и что они Покинут Наш Дом в Этот же Вечер; за ними шел Аллистер с тем ошарашенным видом, какой появлялся у всех, кто сталкивался с нашим кошачьим семейством, когда оно объединяло силы; и далеко в арьергарде Соломон и его сестрица радостно волочили домой за перья охотничью шляпу Чарльза.

Собственно, ничего особенного не произошло. Аллистер, показывая Чарльзу, как надо стоять и держать лук, пустил стрелу через овраг и точно попал в дуб. Чарльз, точно скопировав позу и совершенно так же пустив стрелу, угодил в камень на расстоянии двух шагов от него. Стрела рикошетом отлетела вправо — и он, к своему ужасу, увидел, как она упала прямо на отряд шерифа, который во главе с Соломоном выскочил из-за валуна посмотреть, чем это Чарльз тут

занимается. Никто не пострадал, только Чарльз, по его словам, постарел на десять лет. Больше мили они с Аллистером прошагали в поисках укромного местечка, а эти кошки выследили его! Да переплыви он Ла-Манш, с горечью заявил Чарльз, уплыви он в Японию или подальше, чтобы потренироваться в стрельбе из лука, эта шайка явится в решительный момент, а потом поклянется, что он все подстроил нарочно. Так или не так, но стрелять из лука Чарльзу расхотелось. Аллистер подарил ему тупую стрелу — в случае, если Чарльз передумает, то сможет потренироваться с ней. Но со стрелой играли котята, а не Чарльз. Мы хранили ее под комодом, откуда она вдруг высывалась в любой час дня — два котенка тащили ее за перья, как таран, а два других бежали сзади, вереща, что теперь их очередь и быстрее волоките ее в сад.

Мы отнеслись к этой их игре спокойно, как и ко всем их гнусным забавам, к тому же стрела ведь была тупой. Но старушка, которую прежде тревожило, что Саджи подбирает объедки на дороге, теперь следила, какое воспитание мы даем котяткам, и чуть не упала в обморок, когда, взглянув за ограду, увидела, как они носятся по саду со стрелой, точно орда команчей. Неужели, спросила она, запыхавшись (а на дорожке позади нее оседала пыль, поднятая ею в спешке), неужели я разрешаю миленьким котяткам играть таким опасным оружием? Черный малютка так жалобно кричит посреди лужайки, что, наверное, уже поранился.

Я заверила ее, что им играть со стрелой куда безопаснее, чем Чарльзу. А если черный малютка еще раз пискнет, что остальные не признают его Гайаватой и не отдадут стрелу в его единоличное распоряжение, он получит такого шлепка, что неделю сидеть не сможет.

Впрочем, Чарльз мог утешаться мыслью, что для стрельбы из лука времени у него оставалось бы немного. Все лето он еле-еле успевал приводить в порядок сад. Теперь ведь ямки там рыли пять кошек, а не одна, и стоило кому-то задумчиво ковырнуть лапой землю, как остальные с энтузиазмом подхватывали почин, а потому сад обычно сильно смахивал на фотографию Луны.

Каким-то образом котята в отличие от матери сообразили, что для ямок есть и практическое применение. Наши гости, гуляя по саду, постоянно натыкались на неприличное зрелище: четверо котят торжественно восседают среди роз, задрав хвостишки, возведя к небесам четыре пары голубых глаз, и предаются высоким мыслям.

К сожалению, Соломон не был способен предаваться Высоким Мыслям подолгу. Начинал он как остальные — задирал хвост и сосредоточенно взирал на небо. Затем его взгляд начинал блуждать, он замечал голубого братца, занятого тем же в двух шагах от него, и, абсолютно забыв, зачем он здесь, подкрадывался к нему вокруг пиона. Или вдруг решал, что ямка недостаточно велика, начинал ее расширять, и тут его отвлекал жук. Жуки всегда появлялись в ямках Соломона, и ни в чьих других. Настолько часто, что, по нашему убеждению, это был один и тот же жук, любитель розыгрышей. К тому времени, когда Соломон добирался за жуком в конец сада (если его не сбивала с пути пчела, которая Сидела на Цветке и Оскорбила Его, или птица, которая Пролетела Над Его Головой и Нагрубила Ему), он успевал забыть, где находится первая ямка, и начинал все с начала.

Еще долго после того, как остальные завершали свои дела, Соломон продолжал усердствовать, попеременно копая ямки и гоняясь за жуками. Раз за разом, когда мы забирали котят из сада, он начинал

царапать дверь и вопить, что не кончил, что ему надо опять выйти. И беспронизышно, каждый раз, когда, сжалившись, мы его выпускали и он, выкопав еще ямку, огорченно садился над ней, вновь появлялся этот чертов жук, и мы оказывались у исходной точки.

И мы отнюдь не избавились от ящиков с землей. Обычно Соломон в завершение всех трудов усаживался. водном из них, когда, невзирая на его вопли, он извлекался из сада через полчаса после остальных. Саджи неизменно пользовалась ящиком. Пользоваться садом — верх неблаговоспитанности, сказала она, и ей непонятно, где могли котята приобрести такую гадкую привычку. К ящику наведывались все, перед тем как лечь спать. То есть все, кроме Соломона, — часа в два ночи обычно было слышно, как он старается прокопать дно своего ящика.

Это порождало еще одну проблему в сложном деле содержания кошек — добывание земли для ящиков. Хотя тут, пожалуй, более точным словом будет риск, а не проблема. В конце-то концов проблему я решала просто: дважды в неделю после ожесточенного спора с Чарльзом, почему бы этого не сделать ему, я отправлялась с тачкой и лопатой в лес накопать перегноя. Риск заключался в том, что все кошки обязательно желали пойти со мной.

Что бы я ни предпринимала, уйти незамеченной мне не удавалось. Иногда я оставляла тачку за калиткой и выжидала удобного момента, а потом прокрадывалась наружу и катила ее в лес. Тщетно! Кто-нибудь вел слежку. Из-под веток сирени, так удобно нависавшей над краем крыши угольного сарая, демонстративно прячась за углом дровяного навеса или — если это был Соломон — просто сидя в тачке.

Путешествие в лес было достаточно скверным. Котята в тачке, котята, вываливающиеся из тачки, Саджи шагает рядом и кричит всем встречным:

«Смотрите, как Мы Идем за Перегнем!» А через несколько минут кто-то — обычно Соломон — отчаянно вопиет далеко позади: Подождите Его! Он Отстал!

Однако по пути туда они хотя бы знали, что идут куда-то и это может быть интересно (теплая компания всегда старалась ничего не упустить), а потому мы обычно добирались до места всем скопом. Настоящие неприятности начинались на обратном пути, когда они огорченно соображали, что идут всего-навсего домой.

Тут они принимались карабкаться на одно дерево за другим, утверждая, что останутся там и будут птичками, — все, кроме Соломона, который садился у ствола и объявлял, что будет грибом. Они прятались в высокой траве, а потом, пока я отчаянно звала их у одного края луга, неожиданно появлялись совсем с другой стороны, прыгая через маргаритки точно стадо кенгуру. Они без конца устраивали засады друг на друга. Один подкрадывался медленно-медленно, другой приближался еще медленнее, так что игра эта могла тянуться бесконечно, и особенно если засада устраивалась на кошечку — она не любила, чтобы на нее откуда-то прыгали, и сразу же удалялась в обратном направлении. Даже когда мы возвращались в лоно цивилизации, они продолжали бесчинствовать. Задерживались у каждой калитки и либо вопили (и Саджи в том числе), чтобы я вернулась за ними — они Боятся Пройти Мимо, либо, если внутри было что-то интересное (младенец в коляске, открытая входная дверь) всей оравой входили внутрь, чтобы поглядеть что и как.

Я часто возвращалась настолько измученной, что мне необходимо было прилечь и дать отдых истерзанным нервам. Но без особого толка. Если они оставались в саду, я начинала гадать, что еще они затевают. Как-то раз я не выдержала и пошла выяснить, чем объясняется противоестественная тишина, и

только-только успела увидеть, как они удаляются по дороге, повторяя поход за перегном. А если я брала их с собой наверх, они либо принимались играть на кровати в салочки, либо разом плюхались на меня, заявляя, что тоже немножко поспят. Если же я оставляла их внизу, Саджи обычно начинала демонстрировать им, как опрокидывается клетка с Шорти.

И я всегда вставала на всякий случай, услышав падение клетки, и, пошатываясь, спускалась вниз — как оказалось не зря. Как-то раз я обнаружила, что кресла на нужном месте не оказалось и Шорти, как обычно бесхвостый, отчаянно мечется по полу, тщаь повернуться одновременно к окружившим его котят, а Саджи, расположившись на ручке кресла, нежным голосом подбодряет их поиграть с миленькой птичкой, все равно ей от них не убежать.

Мне этот случай запомнился особенно хорошо, потому что он был последним, когда они резвились все вместе. На следующий день один из голубых ребят отправился в свой новый дом после заключительной игры, от которой у меня в горле поднялся дурацкий комок, пока я смотрела, как его лапка тянется к братьям и сестре из отверстия в корзинке. А на следующий день Саджи — внезапно, трагично, даже вспомнить страшно — умерла.

Глава десятая

ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

Саджи умерла после операции, когда ее стерилизовали. Мы решили больше не заводить котят. Нет, они нам вовсе не прискучили. Как ни громили они дом, как ни терзали наши нервы, мы все равно с наслаждением и дальше растили бы шумных, деспотичных, обаятельных сиамских котят.

Однако, как нам пришлось убедиться, в нашей глуши продавать их было очень не просто, и люди, которые изъявляли намерение купить, исчезали, услышав, что мы просим за каждого четыре гиней. Им казалось, что в деревне котята, как и капуста, должны стоить дешевле. Одна потенциальная покупательница заявила напрямик, что вся затея с сиамскими кошками — это чистый грабёж. Простых котят люди рады бывают отдать даром. Кошки плодятся точно мухи, вырастить котенка не стоит ничего, так в чем разница, хотела бы она знать.

Разница была в том, что за Саджи мы заплатили не четыре гиней, а больше. Заплатили мы и за то, чтобы спарить ее с первоклассным производителем, а котята питались не объедками и не хлебом с молоком, а получали хорошо сбалансированную пищу, какая необходима сиамским кошкам. Обычные котята оставляют своих матерей в возрасте от четырех до шести недель, но сиамские котята развиваются медленнее, и никто, достойный их выращивать, не продаст сиамского котенка моложе десяти — двенадцати недель.

Первый из голубых расстался с нами в возрасте четырнадцати недель, и хотя тогда уже денег на них

уходило меньше, чем в первые дни, питание четырех котят и Саджи обходилось нам больше чем тридцать шиллингов в неделю. Плюс стоимость прививок против кошачьего гастроэнтерита — тоже абсолютно необходимые. От этой болезни сиамские котята гибнут угрожающе часто. Если бы нам удалось продать их по четыре гиней, то мы еле-еле покрыли бы расходы.

Естественно, плодить котят себе в убыток мы не могли. Нам объяснили, что с первыми котятами всегда возникают затруднения, но когда мы приобретем известность, они пойдут нарасхват. Однако Саджи мы приобрели в первую очередь для того, чтобы в доме у нас жил четвероногий друг, а она, обзаведясь котятами, была всецело поглощена ими и заметно отдалилась от нас. Вот мы ее и стерилизовали — в те дни эта операция проходила благополучно в девяноста девяти случаях из ста. Мими позднее перенесла ее отлично. Но Саджи умерла.

Мы горестно похоронили ее под яблоней, где еще накануне вечером она весело играла в салочки с тремя оставшимися котятами и ветер ерошил ее голубую шерсть. Котят мы заперли, чтобы Они не видели, как ее скроет земля, но когда мы вернулись в дом и навстречу нам вынесся поредевший отряд, мы почувствовали себя убийцами.

Забыть Саджи мы не могли и даже подумывали, не выкупить ли нам проданного голубенького, чтобы сохранить в целости ее семью, но, конечно, об этом и мечтать не приходилось. Не только их еда, когда они выросли, обходилась бы нам в колоссальные суммы, но — не будем сентиментальны — чтобы четверо их захватывали все одеяло, помыкали нами, навлекали на нас всяческие неприятности... Нет уж, увольте!

И вот второй голубенький отправился к нашим друзьям и, как истинный сиамский тиран, с самого начала забрал над ними полную власть. Они нарекли

его Мин, и менее подходящее имя трудно было бы выбрать. Он и сам ничуть не выглядел хрупким и не считался ни с чем хрупким. Всякий раз, когда до нас доходили вести о нем, оказывалось, что он как раз сейчас разбил что-то. Он говорит, сообщили они, что их семья, когда он жил дома, каждый день этим занималась. Кошечка осталась с нами, чтобы занять место своей матери, и мы назвали ее Шеба — крайне удачно, хотя тогда мы об этом не догадывались. А Соломон взял меня в мамочки.

Шеба словно бы не заметила исчезновения своей матери. Саджи заметно предпочитала сыновей, и Шеба уже давно перенесла свою привязанность на Чарльза, взмахом голубых ресниц превращая его в покорного раба, когда ей это требовалось. Но Соломон был любимцем матери и страшно тосковал по ней. На ночь после ее смерти мы разрешили котяткам забраться на кровать к нам — не столько для их утешения, сколько для своего собственного. Шеба и голубенький устроились поуютнее на краю одеяла, вымыли друг другу уши и тут же уснули. Но Соломон безутешно бродил по кровати и твердил, что голоден (в возрасте трех с половиной месяцев он единственный из четверки еще иногда питался материнским молоком), а когда наконец прекратил поиски, то забрался ко мне, выпустил тихое печальное «ву-у-у» и сказал, что раз Саджи он больше не нужен, так его мамочкой теперь буду я.

Как ни трогательно было такое доверие, звание мамочки Соломона сулило не одни лишь розы. Оно, в частности, требовало, чтобы я спала щека к щеке с ним, когда ему и его сестрице удавалось увернуться от того, чтобы оказаться на ночь под замком в свободной комнате — то ли заблаговременно укрывшись под кроватью, то ли напустив на себя душещипательно скорбный вид. Шеба после краткой попытки

притулиться под боком у Чарльза, завела манеру спать в гардеробе. «Там никто не ворочается», — сказала она.

Но Соломон ее благому примеру не последовал. И как бы я ни ворочалась, стоило мне ночью приоткрыть глаза, и я видела на своей подушке темную голову: огромные уши чуть шевелились, пока он спал, примостившись как мог ближе к моему уху. Соломон любил свою покойную мамочку, и я ее любила, а потому чувствовала, что обязана его утешать. Однако иногда я проявляла железную твердость. Если Соломон ужинал чесночной колбасой или рыбой, он спал в соседней комнате, несмотря на все горестные стенания, что он — Сирота и с ним обязаны обходиться Ласково.

Поскольку я стала его мамочкой, Соломон не откликался ни на чей зов, кроме моего (впрочем, это компенсировалось тем, что Шеба считалась только с Чарльзом), а кроме того, я была обязана выручать его из всех бед, что требовало массы времени, так как Соломон по-прежнему неумоимо навлекал их на себя.

Едва освободившись от строгого, хотя и не постоянного надзора Саджи, он объявил войну собакам. С этих пор, заявил он, ни единый пес не посмеет даже глянуть в калитку. А не то, свидетель Небо, он увидит такое, что хвост подожмет от ужаса, — Соломона, который сам на него посмотрит.

Собственно говоря, свирепый вид умела принимать Шеба, когда сердилась, — уши загибала и прижимала ко лбу так, что они смахивали на козырек кепки, а если еще и глаза скашивала, то впечатление действительно было жутким. Соломон же в результате всех своих усилий выглядел всего лишь встревоженным. Тем не менее своего он добивался. Супруга священника и ее пекинес трепетали перед ним — при виде их он проползал под калиткой и шел за ними по дороге бочком, точно краб, выгнув спину и грозя вот-вот перейти в нападение. Он одержал блистательную

победу над далматином по кличке Саймон, который, как мне рассказал его хозяин, смертельно боялся кошек, потому что одна сильно его поцарапала, когда он был щенком. Саймон томно обнюхивал кустик борщевника у нашей калитки и чуть не хлопнулся в обморок, обнаружив, что из-за его собственной задней ноги на него близоруко щурится Соломон. Пес ошарашенно тявкнул и пустился наутек вверх по склону холма, словно за ним гнался сам дьявол. После этого Соломон столько хвастливо нам рассказывал, как Все Собаки Его Боятся, Даже Величиной со Слона, что Шебе это надоело и она уселась на верху двери гостиной, чтобы поставить его на место.

Да, кстати, теперь мы должны были помнить еще одно — обязательно посмотреть на верх двери, прежде чем закрыть ее. А вдруг там сидит Шеба, чтобы позлить Соломона? Всякий раз, когда ей приедалось его бахвальство или раздражало, как он ее опрокидывает, демонстрируя, насколько он ее больше, она просто легким прыжком забиралась на верх ближайшей двери и выразительно оттуда на него поглядывала.

Соломон отлично понимал, что означает ее взгляд. Она напоминала ему, что он-то прыгать не способен, и это задевало его за живое. Он тут же забывал про свою важность, про собак величиной со слона, взбирался на спинку кресла — наиболее высокую доступную ему точку — и выл от унижения. То есть кроме одного раза, когда его осенила блистательная мысль. На середине первого вопля он скатился с кресла, ринулся вверх по лестнице, раздались глухие удары, словно рушился потолок, и он оглушительно возвестил, что тоже сидит на двери! Идите, смотрите! И он не соврал. Глухие удары раздавались, когда он стучался о дверь спальни, взбираясь по висевшему на ней халату Чарльза. И вот теперь он торжествующе, хотя и не совсем уверенно,

балансирует на ее вершине. Мы с Чарльзом рассыпались в похвалах, старательно не замечая халата. Но Шеба великодушием не отличалась. Она зашла за дверь, подчеркнуто обняла край халата, а когда отбыла вниз по лестнице на плече Чарльза, оставив Соломона торжествовать, открыла свой голубой ротик и произнесла: «Подумаешь!» Перевести эти звуки по-другому было невозможно.

И оказалась права. Едва мы спустились, как сверху донесся еще один неистовый вопль — но без намека на ликование. Соломон, отрезанный от всего мира на головокружительной высоте в шесть футов, отверг халат как средство для спуска и предъявил привычное требование, чтобы кто-нибудь пришел и снял его, да побыстрее, а то ему не слезть.

Вскоре после этого Соломон прекратил войну с собаками. Какой-то пес загнал его на дерево, и Соломон первый, и единственный, раз в жизни добрался-таки до самой макушки. Хватило бы и высоты в шесть футов, но Солли не пожелал рисковать. Мамочка всегда говорила — только на самый верх, и он залез на самый-самый верх. К несчастью, для этого он выбрал сорокафутовую ель на крутом склоне, и чтобы снять его оттуда, нам пришлось вызвать пожарных.

— Ну, прямо звездочка на рождественской елке, верно? — умиленно сказал пожарный, занятый выдвижением лестницы, и с нежностью поглядел сквозь ветки на нашего лопоухого, который, намертво вцепившись в макушку, скорбно покачивался на фоне вечернего неба. Но гот, кто влез по лестнице, сказал совсем другое. Он сказал, что на нашем месте держал бы эту зверюгу в клетке. Но Соломон получил хороший урок и больше никогда на собак не охотился. Зато принялся гонять кошек, и Шеба спускалась со сливы, чтобы присоединиться к нему в этой забаве.

Главной их жертвой стала пестрая Энни, которая жила со старушкой хозяйкой дальше по дороге. Пока Саджи была котенком, между ней и Энни возникло нечто вроде дружбы, связывавшей Еву и Топси. Хотя когда они выросли и Саджи осознала, что она — сиамка, и они перестали общаться, Энни часто сидела на нашей садовой ограде и смотрела, как играют котята. Но этому пришел конец, когда Соломон издал указ, что кошкам тоже возбраняется заглядывать к нам в сад. И с тех пор Энни мы видели, только когда она возглавляла своеобразную процессию, которая проходила мимо нашей калитки раз в день. Впереди Энни, распластавшись на животе и затравленно поглядывая через плечо; за ней, тоже распластавшись и распушив пятнистые усы, крадется Соломон, точно шпион из музыкальной комедии; и, наконец, Шеба, тщательно обходя лужи и оглядываясь, видит ли ее Чарльз.

Они никого не щадили. То есть почти никого. Когда однажды Мими, проходя по дороге, оглянулась и увидела, что они крадутся за ней, она закатила обоим по оплеухе, после чего они решили сделать для нее исключение -как-никак она тоже сиамка. Но жалость не проснулась в них, когда они обнаружили в огороде бездомную кошку с котенком, укрывшихся ночью от проливного дождя под краем стеклянной рамы в огороде. Когда я, пожалев крохотного бездомного котенка, спящего на голой земле, поставила перед ним мисочку с молоком и накрошенным хлебом, Соломон и Шеба уставились на меня с недоумением. Неужели я не понимаю, сказали они, что это — Подозрительные Личности? И в Нашем Огороде? Наверное, прицеливаются Съесть Всю Нашу Пищу? Наверное, кишат блохами, добавила Шеба, которая с каждым днем все больше становилась похожей на мать. Едва бродячая кошка, не выдержав их жутких угроз,

проскользнула к дальнему концу рам и перемахнула через ограду, как они перешли от слов к делу и двинулись под раму, свирепо порывая на котенка, а Шеба устроила из ушей козырек кепки и скосила глаза, чтобы совсем его сокрушить. Затем они съели его хлеб с молоком. Пусть знает, черт побери! И он бросился наутек со всей быстротой, на какую были способны его белые лапки, отчаянно призывая на помощь мамочку. И больше мы его никогда не видели.

Естественно, что в конце концов возмездие настигло их. Во всяком случае, Соломона. Шеба в тот момент отсиживалась на дереве, твердя ему, что черно-белый кот с фермы — очень нехороший, один из тех, против кого их предостерегала мамочка, но он ничего не желал слушать и объявил себя Джеком Победителем Великанов, и как только я уносила его назад в сад под защиту ограды, он тотчас возвращался на дорогу, садился и начинал шипеть. Кот почти час смотрел на Соломона, не веря своим глазам, потом сказал, что этого просто не может быть, и удалился в лес. Соломон пришел в неистовый восторг, и еще долго после того, как он исчез в кустах следом за своей жертвой, мы слышали, как он оповещает мир о своей доблести — Все Кошки и Коты, даже Величиной со Слона, трепещут перед ним.

Затем раздался омерзительный визг, и они оба вылетели из кустов точно пушечное ядро. По этому визгу мы совсем было решили, что кот прикончил Сола — Шеба даже забралась на самую вершину сливы, говоря, что раз теперь она осталась нашим единственным утешением, ей следует поберечь себя. Но, к нашему вящему изумлению, впереди мчался черно-белый кот. Он промелькнул перед нами и в облаке пыли исчез на склоне холма. Вид у него был такой, будто он наткнулся на привидение. Но почему-то Соломон пришел в точно такое же состояние. Хотя он,

казалось, был цел и невредим, это не помешало ему влететь в дом и спрятаться под кроватью.

Вечером, когда грустный маленький Соломон выбрался из-под кровати полакать молочка, мы выяснили, что произошло. Естественно, произойти это могло только с ним. Пытаясь одновременно шипеть, разговаривать и напускать на себя свирепость, он прокусил себе язык. Впрочем, никаких особых неудобств это ему не причинило, хотя язык и, зажив, остался раздвоенным, как у ящерицы.

Чтобы помешать Соломону есть или разговаривать, потребовалось бы что-то куда серьезнее. Однако это отучило его гонять черно-белого кота. Стоило после этого врагу показаться в отдалении — двигался он с крайней настороженностью, считая, что Соломон взял над ним верх, а не наоборот, и не желая новой стычки, — и мы уже знали, где искать победителя великанов. У нас в спальне под кроватью.

Глава одиннадцатая **В КОГТЯХ ЗЕМЛЕРОЙКИ**

Иногда мы вопрошали, за что, за что нам ниспосланы эти кошки? Взять для примера американку во Флоренции. Ей-то почему бы не стоять перед портретом Липпи, сжимая в экстазе руки и во весь голос декламируя стихи Браунинга, ему посвященные. Ей-то почему бы не принимать к сердцу Саванаролу так близко, что чуть не лишилась чувств при виде собора Святого Марка. У нее на все это было время. Ее-то пара косоглазых тиранов не заморочила настолько, что билеты на поезд она заказала не на тот день. Ей-то не надо было приходить в себя от поездки в питомник, когда Шеба всю дорогу вопила, чтобы Чарльз Пощадил Ее, а Соломон что есть мочи грыз плед. Ее-то кошки умели вести себя благопристойно.

Их у нее было три, и все — сиамские. Зимой они чинно обитали в нью-йоркской квартире и даже не помышляли вырвать входную дверь с корнем, чтобы выбраться наружу. Летом вместе с боксером, виолончелью, швейной машинкой и ее мужем, игравшим в оркестре Нью-Йоркской филармонии, они отправлялись в микроавтобусе в Мэн, где три блаженных месяца охотились в лесах Новой Англии.

—В поездах они просто чудо, — сказала она. Беда была лишь в том, что проехать им надо было пятьсот миль с ночевкой в мотеле. Останавливаться в мотеле с собаками разрешалось, но никогда нельзя было заранее угадать, как владелец отнесется к кошкам. Но, сказала она, они нашли выход из положения, приобретя три корзинки, замаскированные под баулы. Подъезжая к

мотелю, они сажали кошек в корзины, внушали им вести себя тихо и вносили в номер вместе с багажом.

— И они не поднимали шума? — спросила я, с ужасом вспоминая, как вопил Соломон, пока его в корзинке несли в питомник. Темные лапы высовывались из всех отверстий, какие он мог отыскать, и можно было подумать, будто мы изловили и тащим осьминога.

— Ну а как же? — ответила она. — Обойдут номер, проверят, все ли в порядке, и спокойненько устроятся где-нибудь. Даже не догадаться, что они там. Им ведь в Мэн хочется не меньше нашего.

Мы еще не успели закрыть разинутые рты, а она уже рассказывала нам про Кланси. Вот это действительно редкий случай. Кланси, сиам-чемпион, принадлежал ее подруге. Красавец, ласковый, а котята от него знамениты на весь Нью-Йорк — отбоя нет от желающих спарить его со своими сиамками. Беда была только в том, что для поддержания сил он съедал столько сырого мяса, что его питание обходилось в огромные деньги, а плата за спаривание далеко не покрывала такие расходы.

— И эта экономическая проблема очень тревожила мужа его хозяйки — брокера шотландского происхождения, — поспешила добавить рассказчица, чтобы у нас не создалось ложного впечатления. — Шотландцы ведь бережливы, кто же этого не знает! Но затем он нашел выход из положения: открыл на имя Кланси брокерский счет и клал на него все гонорары замечательного кота, так что теперь Кланси — самый богатый кот на нью-йоркской бирже. Замечательно, правда? — С этими словами она допила кофе одним глотком — ей предстоял насыщенный день: надо было купить скатерти и осмотреть место, где сожгли Саванаролу.

— Замечательно, — подтвердили мы. Наши кошки хотя и не блистали на бирже, несомненно, могли бы

пожинать лавры на сцене. Шеба была способна тронуть самое черствое сердце своею хрупкостью и детской невинностью, пусть это был сплошной обман. А Соломон, когда он сидел и не были видны его тонкие ноги, которые теперь стали такими длинными, что он приобрел верблюжью походку, умел при желании придать себе неизъяснимо трагический вид.

Вместе они были неотразимы и прекрасно это знали. Когда к нам приходили гости и парочка сидела рядом на коврике перед камином — Шеба робко тянулась помыть уши Соломону, и он отвечал нежным бурчанием, которое ее чуть не опрокидывало навзничь, — никому и в голову не пришло бы, что перед самым звонком в дверь они дрались, словно мартовские коты, за право посидеть на коленях у Чарльза. Никому бы и в голову не пришло, глядя, как робко они семят за священником вниз по склону, который в энный раз на этой неделе нашел их перед своей калиткой, где они громко вопияли, что потерялись... да, никому бы в голову не пришло, что в их милых умишках они уподоблялись уличным мальчишкам, которые звонят в дверь и тут же улепетывают — обхохочешься! То есть никому, кроме нас. Мы-то видели, как перед этим они решительным шагом поднимались по склону, не слушая наши мольбы вернуться: и на наших глазах, едва повернув за угол, меняли походку и превращались в заблудившихся малюток.

Но даже мы были ошарашены, услышав, что в наше отсутствие каждый день их видели у окна прихожей в четыре тридцать — они тоскливо смотрели на холм и спрашивали у прохожих, когда же мы наконец вернемся домой. А когда мы возвращались в самом начале шестого, они всегда Крепко Спали в кресле и закатывали настоящий спектакль, приоткрывая один глаз, зевая и выражая глубокое удивление, что мы вернулись так скоро. И мы просто не могли поверить

тому, что нам рассказали. Пока как-то вечером, вернувшись, не обнаружили, что они Крепко Спят, а оконная занавеска в прихожей валяется в их миске с водой. В деревне ничто не остается незамеченным, и соседка не замедлила сообщить нам, что произошло. Случилось это в начале пятого, и Соломон предположительно карабкался на подоконник для обычного представления в половине пятого, раскачиваясь на занавеске головой вниз, точно мартышка. Соседка выразила надежду, что он не расшибся — грохот был страшный.

Нет, Соломон не расшибся. Просто в тот период он увлекся вкушением пищи и превратился, говоря попросту, в пузана, и карниз, на котором висела занавеска, не выдержала его веса. Впрочем, винить его особенно не приходилось — он просто подражал Шебе, которая всегда качалась на занавесках вниз головой, чтобы развлечь Чарльза.

Он часто подражал Шебе. Нахальный, шумный, вечно во что-то вляпывающийся, Соломон в душе был маленьким недотепой, который мужественно старался быть самым главным, преуспевающим во всем, тоскливо сознавая, что это далеко не так. А вот Шеба действительно была вундеркиской. Нежная, маленькая, будто цветочек, она бегала быстрее ветра, лазила как обезьянка и обладала выносливостью быка.

Больше всего Соломон завидовал ее охотничьей сноровке. Сам он охотник был никудышный. И не из-за какого-нибудь физического недостатка, а потому что понятия не имел, как это делается. И он не подстерегал полевок у садовой ограды терпеливо, как Шеба, — так только девчонки охотятся, говорил он и угрожающе дул в норку. Когда же мыши отказывались выйти на честный бой с ним, он засовывал внутрь длинную темную лапу и старался выцарапать их оттуда.

Всякий раз, когда он садился рядом с ней — такой внушительный: мордочка вытянута, нос нацелен, ну, прямо Великий Охотник — то не проходило и пяти минут, как он засыпал от скуки или принимался вертеть головой, болтая с пролетающей мимо бабочкой.

В результате его сестра истребляла полевок и землероек десятками, а Соломон ни разу в жизни самолично ничего не поймал. Если не считать его змеи, длиной аж в шесть дюймов. Но, наткнувшись на нее, он пришел в такое возбуждение, что прыгнул ей на хвост, а не на голову, и она удрала.

Мы знали, что это было его тайной печалью. На его мордочку было жалко смотреть, когда он созерцал, как Шеба прыгает и играет со своими трофеями, прежде чем, по восточному обычаю, сложить их к нашим ногам. Иногда, не стерпев, он брел на своих тонких, как у паука, некрасивых ногах, низко опустив голову, чтобы Шеба не увидела, что он несет, и презентовал нам изжеванный лист. А потом садился, устремлял на нас задушевный взгляд и от всего своего сиамского сердечка умолял сделать вид, будто он поймал стоящую добычу. Глубоко трогательная сцена, которую портило лишь то, что Соломон, едва ему удавалось отобрать у Шебы ее трофей, мгновенно преображался в совсем другого кота.

Он подкидывал добычу высоко-высоко, прыгал за ней, ловил в лапы, эффектно швырял через всю комнату — в такие минуты было лучше держаться от него подальше: Чарльз как-то отбил такой мяч прямо себе в чашку, а потом несколько дней отказывался от чая.

Короче говоря, к Соломону во всей полноте возвращалось его эго. Это Его Мышь, пыхтел он на Шебу над трупиком, подначивая ее запыхтеть в ответ. Но Шеба на провокации не поддавалась, а сидела себе, ухмыляясь Чарльзу и говорила, какой Соломон глупенький: расхвастался, а мышь ведь подержанная.

Это Его Мышь, заявил он, яростно ее обороняя, когда пришел священник, и без зазрения совести добавил, что поймал Ее Сам! И он продолжал орать, что мышь его, его, его, пока всем это не надоедало и Шеба отправлялась посидеть на двери. Либо, захватив его врасплох (а один раз так его напугав, что он подпрыгнул чуть не до потолка), мышь вскакивала на лапки и улепетывала.

Однажды так произошло с полевкой, которая, пока Соломон рассказывал молочнику, как он ее поймал, ловко юркнула под дверцу стенного шкафа. Мы так и не узнали, что с ней произошло потом, но когда Чарльз в следующий раз достал свою куртку из шкафа, погончики и хлястик тут же отвалились.

А с землеройками такое происходило несколько раз. Живые метались, ища выход наружу, дохлых Шеба аккуратно прятала под половику в прихожей, засушивала их для своей коллекции, объясняла она, так что наступайте на них сколько угодно — и в конце концов мы стали знатоками землероек.

До того как мы обзавелись кошками, я всего лишь раз видела живую землеройку: я вскопала клумбу у стены коттеджа, и тут из-за угла вылетела эта землеройка и обнаружила, что осталась без крова. Я и сейчас вижу, как она металась по булыжникам в тщетных поисках своей парадной двери, а я металась следом за ней, угрызаясь совестью и взвешивая, не схватить ли ее, не помочь ли найти новую норку. Но люди говорили, что землеройки очень нервные — даже умирают, если до них дотронуться, а другие люди говорили, что они кусаются. Та землеройка ничему меня не научила, так как не выдержали мои нервы и я ушла в дом. Но благодаря Соломону и Шебе я очень скоро раскрыла эту тайну. Землеройки кусаются.

И Чарльз и я были укушены в разное время. Я — той, которую Соломон радостно загнал в угол кухни, после

того как она благополучно очнулась. Он с ней беседовал, и рука, которую я протянула, чтобы ее выручить, видимо, явилась последней соломинкой: пища от ярости, землеройка свирепо прыгнула на меня и укусила за палец. Чарльза укусила та, которую мы, потому что она была сильно потрепана, поместили в коробку с травой и листьями посмотреть, не придет ли она в себя, и закрыли коробку в ванной. В себя она пришла. Когда Чарльз некоторое время спустя пошел ее проводить, она в бешенстве пыталась выбраться из коробки, а когда и он протянул ей руку помощи, то был тоже укушен. И завопил так громко, что Шеба, подглядывавшая под дверь ванной, в ужасе выбежала из дома и забралась на сливу, Соломон укрылся под кроватью, а я уронила миску с тестом. Укус землеройки, конечно, не очень страшен — так, укол булавкой. Просто меня поразило внезапное появление Чарльза с широкой полоской пластыря на пальце и готовой к освобождению землеройкой, которая как сумасшедшая прыгала внутри носка.

Еще большим сюрпризом оказалась землеройка, которая прожила у нас четыре дня. Произошло это много позднее, когда Шеба, обнаружив, что в доме мы все живое у нее отбираем, завела привычку тайком забираться со своими трофеями на нашу кровать. Там она могла заниматься изучением живой природы на чистом одеяле, а заслышав наши шаги, просто схватывала свою жертву и ныряла под кровать, откуда извлечь ее нам никогда не удавалось. Данную землеройку, однако, она отнесла на кровать, которая была занята тетей Луизой. (Хотя кошек у нас осталось лишь две, мы по-прежнему уступали свою спальню гостям, а сами спали в свободной комнате, избавляясь таким образом от лишних препирательств с Соломоном.) И тетя Луиза, едва увидев землеройку, испустила такой визг, что Шеба, при обычных

обстоятельствах невозмутимая как айсберг, от изумления выронила свою добычу, и та сбежала.

Я отлично знаю, что землеройки за день съедают корм, в несколько раз превышающий их собственный вес, и что их нельзя содержать в неволе. Сидни, как деревенский житель, интересовался подобными вещами и пересказал мне то, что видел по телику. Можно или нет, но следующие четыре дня землеройка так часто попадалась нам всем на глаза, что даже Шеба начала вздрагивать при виде ее. То наверху — крейсируя подобно крохотной серой подводной лодке через лестничную площадку или по спальням. То внизу — небрежно прогуливаясь по ковру от комода до щелки под дверью стенного шкафа. Мы так ее и не поймали, хотя она никогда не убыстряла шага. Чарльз теперь отказывался прикасаться к землеройкам Шебы без перчаток, а к тому времени, когда он возвращался с перчатками (я вообще отказалась к ним притрагиваться), землеройка успевала исчезнуть. А кошки были так травмированы, что явно предпочитали ее игнорировать.

Несколько раз, когда я брала ящик Соломона, чтобы сменить в нем землю, под его краем оказывалась землеройка. Чарльз сказал, что вот, значит, как она поддерживает свои силы: съедает червей и насекомых в ящике. Мне это показалось маловероятным: будь там черви и насекомые, так Соломон сам бы их съел. Однако в результате у меня появилась еще одна обязанность: не желая иметь ее смерть на моей совести, я теперь, когда меняла землю, оставляла в ящике пучок травы.

Тетя Луиза сказала, что я вся — в бабушку и мы обе сумасшедшие. Соломон негодуя осведомился, как он может игнорировать то, что сидит у него под ящиком, если я это кормлю прямо у него под носом? И вообще, пока оно тут, он будет пользоваться садом. У Чарльза завелась привычка по утрам исподтишка вытряхивать

свои ботинки, прежде чем их надеть. Мы уже собирались выкинуть белый флаг, когда на четвертый день вечером землеройка вразвалочку спустилась с крыльца и навсегда исчезла из нашей жизни.

Глава двенадцатая

СМЕРТЬ МЕХОВОГО МАНТО

В тот день, когда Шеба загнала комара за картину над бюро и оставила на стене черные отпечатки лап, Чарльз сказал, что нечестно винить кошек за все, что бы ни случилось. Что ей оставалось делать, если он пролетел мимо как раз тогда, когда она заглядывала в камин и испачкала лапы сажей? Когда же я наконец запомню, что сиамские кошки не похожи на остальных, и начну принимать во внимание их бойкость и любознательность?

Но он этого не повторил, когда мы постелили на лестницу новую ковровую дорожку и Соломон, наглядно демонстрируя Шебе, какой он Сильный, превратил в лохмотья ее низ, пока мы деловито приколачивали к площадке верхний конец. Чарльз тогда сказал, что Соломон проклятушая чума и язва, и если он не поостережется, то кончит дни в кошачьем приюте. Положение не улучшилось, когда я, чтобы спасти оставшуюся дорожку, пока Соломону не надоест точить об нее когти, придумала класть на каждую ступеньку сложенные экземпляры «Таймс», когда мы куда-нибудь уезжали. Несколько дней это помогало, а затем как-то утром Чарльз в последнюю минуту кинулся вверх за бумажником, поскользнулся на верхней «Таймс» и скатился вниз на спине. Тут уж виноватыми оказались и Соломон и я. Меня это не очень напугало — Чарльз ростом шесть футов, ступеньки нашей лестницы крутые и узкие, и он постоянно с нее падает, а я вышла бы виноватой, сиди я на вершине Эвереста, но Соломон очень переживал.

Пока Шеба утешала Чарльза в прихожей, прогуливаясь взад и вперед по его жилету и тревожно осведомляясь, уж не Умер ли он, Соломон восседал на верхней площадке и произносил долгий сиамский монолог о несправедливости всего этого. «Шеба Рвет Когтями Вещи, — сказал он, — и Никто на Нее Не Жалуется». И это была чистая правда. Кресло в свободной комнате снизу было все в лохмотьях: когда Шеба утром просыпалась, она упражнялась под ним в ползании на спине в качестве зарядки. А Чарльз по этому поводу сказал, что надо считаться с ее живым характером.

«Она Сбрасывает Вещи и Попадает в Людей», — надрывался Соломон. По модуляциям его голоса всегда можно было узнать, что он добрался до этой части своей филиппики. Когда он сознавал свою правоту, из его глотки вырывался оглушительный рев. Соломон вещи на людей не сбрасывал. Он просто не мог взобраться на нужную высоту. Но Шеба, прыгая как серна по книжным полкам по обе стороны камина, вечно бомбардировала доверчивых гостей томами энциклопедий или юридическими сочинениями. Последнее время я начала подозревать, что это вовсе не несчастная случайность, как она утверждала. И уж, конечно, в тот вечер, когда я помешала ей увенчать Соломона медным индийским кувшином, случайностью это никак быть не могло. Я остановила ее в тот момент, когда она стояла на ручке кресла и изо всех сил старалась зацепить его лапой и сбросить с каминной полки, под которой Соломон, растянувшись во всю длину на коврике, чтобы согреть живот, спал сном праведника и ничего не подозревал.

И вот теперь, вытягивая шею над площадкой, чтобы все его хорошо слышали, Соломон продолжал повествовать о своих горестях. «Чарльз Неуклюжий, — вопил он, укоризненно глядя туда, где Шеба, с

облегчением удостоверившись, что Чарльз протянет еще год-другой, энергично расхаживала по его жилету и заверяла его, что она-то — пай-девочка. — Чарльз Свалился бы С Лестницы и без газеты, — вопил Соломон. — Чарльз Всегда Падает. В прошлую субботу Чарльз Упал С Приставной Лестницы. Никто, — сказал Соломон с печальным завыванием, смахивавшим на шмыганье носом, — никто не может обвинить в этом его. Чарльз Сам Во Всем Виноват».

Что было, то было. Чарльз красил стрехи, примостившись на лестнице с надломленной ножкой, которую установил на наклонной крыше крыльца и привязал для страховки старой веревкой к печной трубе — вопреки предостережению старика Адамса, что он знавал немало людей, которые вот так разбились насмерть. Согласно версии Чарльза, он вытянул руку, чтобы наложить последний мазок, думая про себя (работая, он развлекался, сочиняя маленькие трагедии, полные напряжения): «И в тот момент, когда он протянул руку, чтобы уцепиться за последний уступ, раздался резкий треск лопнувшей веревки, и он камнем рухнул в разверстую бездну» — и тут веревка и правда лопнула. Но без резкого треска. Она медленно, садистски развязалась у него на глазах, а он стоял на последней перекладине и беспомощно смотрел на нее. И в бездну он не рухнул, а хлопнулся на крышу крыльца с таким грохотом, что потряс старенький коттедж до самого его основания. Когда я выскочила наружу, не сомневаясь, что наконец стала вдовой, он уныло сидел на крыше в луже светло-голубой краски, а на кровле угольного сарая, вытягивая шеи, словно чтобы лучше рассмотреть процессию лорда-мэра, стояли Соломон и Шеба, с волнением спрашивая, зачем он это сделал.

Чарльз сказал, что я, наверное, не поверю, но, скользя по крыше после падения, он увидел — собственными глазами увидел! — как эта парочка

галопом неслась по дорожке и взобралась на угольный сарай, — свою зрительскую трибуну. Естественно, я поверила. Они сами так часто вляпывались в неприятности, что обожали наблюдать чужие, благонаравно усевшись, чинно обвив хвостами передние лапы и напустив на мордочки выражение возмущенного недоумения. Помню случай, когда собака загнала соседскую кошечку на электрический столб. Соломону, казалось бы, не стоило открывать рот после происшествия с вызовом пожарных, а Шеба приобрела привычку покойной матери требовать, чтобы Чарльз спасал ее с каждого дерева, которое попадалось ей на пути. Но это их не остановило. Пока мы с Чарльзом пытались решить задачу, как понадежнее приставить лестницу к круглому столбу, они сидели бок о бок у его подножия, вытянув шеи по-жирафьи, дабы подчеркнуть, Как До Нее Высоко, округлив глаза в бутылочные крышечки, и ободряюще вопили ей, что Она, Наверное, Дурочка, Если Залезла На Такую Верхотуру, и, По Их Мнению, Нам Ее Оттуда Ни За Что Не Снять. А тот факт, что не успел Чарльз спасти кошечку, как ему тут же пришлось лезть за Соломоном, который из спортивного интереса успел взобраться до половины лестницы и, застряв там, начал отчаянно орать, — этот факт, естественно, никакого значения не имел. А Шеба у подножия столба радостно щебетала, на какой он верхотуре, и ей кажется, нам его оттуда никогда не снять. Разумеется, такое жадное любопытство не могло довести до добра. И беда стряслась, когда в коттедж рядом въехали новые жильцы и Сол с Шебой, изнывая от любознательности, принялись навещать их каждый день. Мы предупреждали новых соседей, чтобы они их не привечали. Иначе катастрофа неминуема. Соломон испортит ковровую дорожку на лестнице или ограбит кладовую, а Шеба либо залезет в каминную трубу, либо

свалится в унитаз. Но они ничего не хотели слушать. Прежде им не доводилось иметь дела с сиамскими кошками, и они очарованы, сказали они, тем, как эти котята важно идут друг за другом по садовой дорожке, здороваются с ними веселыми воплями, а потом начинают по-хозяйски всюду все осматривать. И потому, с нашей точки зрения, Вестоны были сами виноваты, когда во время засухи надумали противозаконно налить дождевую бочку из кухонного крана при помощи шланга, укрытого за водосборами и люпинами. Соломон и Шеба тут же выдали их всей деревне — уселись на крыше сарайчика, взирая широко открытыми глазами на пузыри и во весь голос приглашая прохожих посмотреть, что они нашли! Одним из тех, кто принял их приглашения, был старик Адамс — в давние времена его дед жил в вестоновском коттедже, и по неписаным деревенским законам это давало ему право ходить по вестоновской дорожке больше, чем самим Вестонам. И он сказал, что старина Вестон пошел всеми цветами радуги, что твой хамелеон, чуть сообразил, что его разоблачили. Он слишком недолго жил здесь и еще не успел узнать, что практически все, — а старик Адамс так наверняка, — наполняют свои бочки именно этим способом, и еще долго ходил, не смея никому взглянуть в лицо. Что, как сказала тетушка Этель в тот день, когда Соломон Съел косметический крем, обошедшийся ей в гинею, убедительно доказывает, какое безумие иметь хоть какое-то дело с сиамскими кошками.

Нам ни разу не удалось взять над ними верх. Только мы решали, что уж сейчас их прищучим, как они выдавали что-нибудь новенькое. Например, ловля мышей. Едва мы привыкли к тому, что их ловит Шеба, а Соломон часами кидает их мимо наших голов, как Шеба, придя к выводу, что Соломон слишком уж приковывает к себе внимание, постановила впредь докладывать нам о каждой пойманной мыши — чтобы мы знали, чья она.

Когда Соломон в первый раз услышал, как Шеба, возвращаясь домой, во исполнение своего плана истово имитирует сигнал воздушной тревоги, он сказал, что это воет привидение, и залез под ванну, откуда мы его выманили ценой невероятных усилий. Но вскоре он в свой черед придумал кунштюк похлеще. Взял и съел спорную мышь. И не спокойно в уголке, а с большой помпой и шумом на коврике перед камином, оставив нам в качестве сувениров голову и хвост. Тогда и Шеба съела мышь. Но желудок у нее был не таким крепким, как у Соломона, так что она тут же прошествовала на лестницу, где ее и стошнило. И жизнь, как выразился Чарльз, продолжалась в том же духе.

После смерти Саджи наступил период, когда котята начали осознавать себя как личности, и если у нас бывали гости, вопреки нашим усилиям, плотно усаживались к ним на колени, облизывали глазурь на их кексах, стоило тем отвернуться, обыскивали их сумочки и болтали с ними под дверью ванной. Они просто обожали людей, и когда однажды мы заперли их в прихожей, так как на приятеле Чарльза был темный костюм, да и кошек он не любил, они вскарабкались по занавескам, вылезли через фрамугу, случайно оставшуюся открытой, и внезапно возникли за окном гостиной, прижали закопченные мордочки к стеклу, тоскливо заглядывая внутрь, как киносиротки.

Успех они имели потрясающий. Все ими умилялись, кормили мороженым, а приятель Чарльза вернулся домой в костюме, словно сшитом из шкурок ангорских кроликов. В следующий же раз, когда их заперли, Соломон припомнил мороженое и тотчас снова выпрыгнул из окна. А поскольку все окна в прихожей были закрыты, пустоголовый дуралей побежал наверх и выбросился из окна спальни. Одна наша гостья лишилась чувств, увидев, как он падает, но упал он на гортензии и остался цел и невредим. Беда была в том,

что теперь Соломон сделал важное открытие: он сам мог приподнять оконную раму, стоило подсунуть толстую круглую головенку под шпингалет и хорошенько нажать. Так что с этих пор, запирая от них дверь гостиной, мы должны были не только застилать лестницу двенадцатью номерами «Таймс», но и завязывать веревочками шпингалеты на всех окнах.

Хотя в начале вечера наши кошки доводили гостей до исступления знаками своего внимания, если кто-то засиживался дольше одиннадцати, положение круто изменялось. Тогда они удалялись на самое уютное кресло (если оно было занято, они забирались за спину сидящего и начинали вертеться, пока он не вставал, — это средство всегда срабатывало), свертывались клубочком и демонстративно пытались уснуть. Стоило кому-нибудь посмотреть на кресло, и он обязательно видел хотя бы одну приподнятую сиамскую головку с одним полуоткрытым глазом и страдальческим выражением, которое яснее слов говорило, что им давно пора отправляться по домам. Есть Такие, которые устали. Если это не действовало, немного погодя Соломон садился, шумно зевал и со вздохом ложился поперек Шебы. Этот намек доходил до любого гостя. Зевок Соломона напоминал рыгание толстяка — долгий, громкий, смачный. Особенно неприятно было то, как они, только что лежавшие без сил, словно после дня каторжного труда, мгновенно оживали, чуть только гости начинали прощаться. Если бы они просто провожали их вежливо до дверей, как Саджи, это было бы еще ничего. Но эти двое усаживались в прихожей и орали, чтобы чужие люди поскорее собирались. А когда мы сопровождали гостей до калитки, в окно было прекрасно видно, как они, празднуя победу, гоняются друг за другом по стульям.

Правду сказать, к этому времени гости обычно смотрели на наших кошек уже не так умиленно, как

раньше. Например, моя приятельница, которая надела старые чулки, чтобы поиграть с кошками, а лучшую пару оставила для безопасности у нас в спальне. Она ожидала, что старые чулки неминуемо погибнут, и не обманулась. Когда мы сели пить чай, Соломон дружески куснул ее за лодыжку, и чулок поехал. К несчастью, дверь в спальню не притворили как следует, и Шеба по собственной инициативе решила отнести новую пару их владелице, а они зацепились за угол ступеньки, и им тоже пришел конец.

А другая наша знакомая беззаботно оставила ключи от машины на столе в прихожей. Ну и, казалось бы, что тут такого? К несчастью, Соломон именно тогда изображал овчарку и таскал поноски. Так что мы битых два часа искали, куда он их засунул. Оказалось, что в лунку для мини-гольфа на лужайке.

А однажды таинственно исчез кактус из горшка, пока владелица, только что получившая его в подарок, на обратном пути заглянула к нам выпить чаю. Чарльз спросил, какие еще требуются доказательства того, что у Соломона не все дома, — однако Соломон тут был ни при чем. Похитила кактус Шеба, как мы узнали, когда сами завели кактусы и были вынуждены каждый вечер запира́ть их на ночь в ванной от греха подальше, пока Шеба под дверью выла, требуя хоть самый маленький, чтобы поката́ть его по полу.

Зато Соломон один, без посторонней помощи убил меховое манто. Мы засмеялись, увидев, какое благоговение появилось на его мордочке, когда он узрел это манто и тут же выгнул спину, вызывая его на бой. И мы ни на секунду не задумались, когда владелица погладила Соломона по голове и, говоря: «Ничего, малыш, это ведь просто манто», небрежно положила его на стул в прихожей. А вот Соломон задумался. И, получив свою долю бутерброда с крабовым мясом, тут же ушел в прихожую, где убил

манто так обстоятельно, что я и теперь дрожу, вспоминая, во что нам обошлась его починка.

После этого мы тщательно охраняли меховые манто. Пока гостья раздевалась, Чарльз держал Соломона на кухне, а затем я собственноручно запираю манто в гардеробе, после чего запираю и дверь спальни. И все же меня охватили дурные предчувствия в тот вечер, когда в гардеробе было заперто очень дорогое манто из меха леопарда, а Соломон, едва ужин кончился, тихонько ускользнул в прихожую. Улучив минуту, я на всякий случай последовала за ним. Все, казалось, было в полном порядке. Дверь в спальню была надежно заперта, Соломон с невинным видом сидел на столе в прихожей и глядел в ночную тьму, а когда я с ним заговорила, объяснил, что он просто высматривает лисиц.

И только когда гостья, уходя, начала оглядывать прихожую и повторять, как странно, она твердо помнит, что оставила ее на шкафчике, я спохватилась, что шляпу в спальню не забрала. Но уже все свершилось. Это была — вернее, была прежде — щегольская шляпа с эгреткой из черных петушиных перьев. Когда мы извлекли ее из-под того же кресла, которое однажды укрывало знаменитую телеграмму тетушки Этель, все перья отвалились.

Глава тринадцатая

ШЕЙХ СОЛОМОН

К тому времени когда Соломону исполнилось полгода, он, вопреки малообещающему началу, вырос в одного из красивейших сиамов, каких нам доводилось видеть. Правда, усы у него оставались пятнистыми, лапы — крупными, и ходил он походкой Чарли Чаплина. Но детский жирок исчез, и он выглядел гибким и глянцевитым, как пантера. Его темная треугольная маска блестела, будто полированное дерево, если не считать единственного белого волоска точно в середине — он объяснял, что вечно тревожится за Шебу, вот волос и поседел. Раскосые глаза над высокими восточными скулами были ярко-сапфировыми и редкостными даже для сиама. Когда он лежал на садовой ограде, изящно свесив длинные темные ноги, то, по мнению старика Адамса, выглядел ну прямо что твой шейх в своем восточном дворце.

Старик Адамс, большой поклонник творчества Этель М. Делл, очень хотел бы, чтобы Соломон оказался шейхом в романтическом смысле этого слова. В то время он еще мечтал разбогатеть, продавая сиамских котят, а Соломон был столь великолепен, что он только обрадовался бы, уволок наш сиама Мими за глянцевитую кремовую шкурку подальше в холмы, чтобы там стать прародителем такого аристократического рода, за членов которого, утверждал мечтатель, будут платить по десять фунтов и еще спасибо говорить.

Он до того возмутился, когда мы охолостили Соломона, что неделю отказывался разговаривать с нами, что было понятно — мы и сами не хотели портить

Соломону жизнь, но мы делили ее с ним, а даже самые закаленные наши друзья начали бы избегать дом, где обитал бы нехолощенный сиа́м. И оставить его в таком случае мы могли бы, либо позволяя ему бродить на воле, а тогда сиа́мские коты превращаются в отпетых забияк и редко показываются домой, либо держа его взаперти в сарае, куда бы к нему водили кошек.

Когда мы спросили Соломона, как он на это смотрит, он ответил, что всегда предпочтет жуков девочкам. И кремовые булочки, добавил он, выразительно поглядывая на накрытый к чаю стол. И спать в нашей кровати, заявил он ночью, упорно рыская под одеялом в поисках моей головы.

Это окончательно решило дело. Представить Соломона котом-производителем мы могли не больше, чем в вольере зоопарка, изображающим из себя льва. На следующей неделе он был кастрирован, а вместе с ним стерилизовали и Шебу, и они не доставляли нам никаких хлопот, если не считать швов Шебы. Ей их наложили два, и оперировавший ее ветеринар (на этот раз городской: хотя нам было не в чем упрекнуть ветеринара, оперировавшего Саджи, поручить Шебу кому-нибудь еще было лучше для всех) сказал, что мы можем легко снять их сами на десятый день. «Щелкните ножничками тут и тут, дерните посильнее, — сказал он, — и делу конец».

Наверное, с нормальной кошкой так оно и было бы, но только не с Шебой. Она не позволит, чтобы швы ей снимали бестолковые дилетанты, заявила она. Всякий раз, когда мы подходили к ней с ножницами, она удирала на верхнюю книжную полку и пряталась там за баррикадой толстых томов. Даже Чарльзу не удавалось сманить ее вниз. Нет, он ей очень нравится, заверяла она из-за энциклопедии, только пусть не трогает ее швы. Может упражняться на Соломоне, Мими или даже на мне. А ей нужен настоящий доктор. Ну, и она

добилась своего после ночи, когда швы начали зудеть и она, расположившись у нас на кровати, сама попробовала их снять, а потом предложила попробовать Соломону, и нескончаемое пощелкивание зубов чуть не свело нас с ума. Обратиться к местному ветеринару мы не могли, поскольку оперировал ее не он, а потому утром позвонили доктору Такеру, который любезно приехал немедленно. От него Шеба не удрала, а подробно описала ему, что мы пытались с ней сделать, — не привлечь ли нас к ответственности за незаконную медицинскую практику, как он считает? А пока он перерезал и подцеплял теми же самыми ножницами, которыми пробовали воспользоваться мы, она спокойно стояла на столе, блаженно скосив глаза и мурлыкая.

Ну вот, решили мы, и конец нашим тревогам. Кошки повзрослели. Конечно, кое-какие чудачества за ними водились. Например, привычка Шебы переворачивать каждую ночь корзинку с овощами — нам приходилось выслушивать жалобы нашей новой прислуги, что в других домах от нее не требовалось каждое утро выуживать из-под плиты спаржу и раздавленные помидоры. В ее обязанности это не входит! Впрочем, все обошлось — она очень скоро заявила нам, что уходит, потому что стоит ей вымыть пол, как Соломон тут же старается наследить на нем.

Шеба ужасно обрадовалась. «Теперь, — заявила она (и сказала сущую правду!), — спаржа будет лежать под плитой, пока не начнет пахнуть по-настоящему, а прежде ее никто оттуда не вытащит!» И Соломон обрадовался. Она все время швыряла в него полотенцем, и он обязательно укусил бы ее, если бы не был джентльменом в высшем смысле этого слова, сказал он и пропустил мимо ушей замечание Шебы, обращенное к Чарльзу, что Он Же Больше Не Джентльмен, Верно? После Его Операции? Обрадовался

и Чарльз. Если бы она не ушла, сказал он, то скоро начала бы швырять полотенцем и в него, если судить по тому, как она на него посмотрела, когда он попросил ее высыпать окурки из пепельниц. Не обрадовалась только я — но за домашними делами у меня не хватало времени жаловаться. А интерес Соломона к бытовым приборам? Он шел за пылесосом как ищейка, прижимая нос к ковру и наблюдая, как исчезает мусор. И, пожалуй, было только к лучшему, что не миссис Терри пылесосила в тот день, когда он решил заняться экспериментами и, пока я отодвигала стул, любознательно сунул свой шар из серебряной фольги механизм. Я обернулась, увидела длинную черную лану, исчезающую в отверстии, и молнией метнулась к выключателю.

Миссис Терри так бы не поступила. Она бы завизжала, набросила передник себе на голову и хлопнулась в обморок, как в тот день, когда сняла проволочный экран с электрокамина в гостиной, а Соломон, нежно вспомнив мамочку, тут же подошел к нему и прижал зад к решетке. В результате этого происшествия хвост Соломона, опаленный в двух местах, удивительно смахивал на хвост пуделя, а Шеба выводила его из себя, делая вид, будто пугается, всякий раз когда смотрела на него сзади. Но во что вылилось бы приключение с пылесосом, мне и подумать было страшно.

Ну да, с такими привычками, как я уже говорила, сталкиваются все владельцы сиамских кошек, и мы вели относительно спокойную жизнь, если, конечно, не забывали о разных мелочах. Например, вставали в пять утра, чтобы выпустить их в сад, — иначе Шеба сбрасывала лампу с тумбочки, а Соломон кусал нас; например, если шоколад был в серебряных обертках, все до единой отдавали их Соломону — он жутко переживал, когда на Рождество кто-то подарил нам

огромную коробку шоколадных конфет без единой обертки — Назло Ему, сообщил он, безутешно вздыхая всякий раз, едва мы открывали коробку, и торопил нас поскорее их съесть; например, всегда держали на кухонном полу открытую пачку пшеничных хлопьев, чтобы он мог в любую минуту заморить червячка; иначе он забирался в буфет с самыми плачевными последствиями. Пока мы держали в уме подобные мелочи, все шло чудесно. Пусть даже они каждую минуту забежали в дом проверить, не ушли ли мы гулять без них или — о ужас! — не уминаем ли что-нибудь вкусное у них за спиной.

Тем более мы перепугались, когда как-то утром я позвала кошек, и они не примчались посмотреть, что на завтрак, а прибрела одна Шеба, очень грустная и растерянная. Соломон пропал, с тревогой сообщила она. Его нигде нет, и ей неизвестно, куда он подевался.

Хотя в тот момент мы этого не знали, Соломон, устав от пут цивилизации, подался в исследователи неведомых земель — и, как бывает с исследователями, попал в крайне опасное положение. Когда час спустя, обшарив все окрестности и с ног валясь от усталости, я наконец нашла его на огороженном лугу более чем в миле от дома, он пребывал в обществе двух очень крупных и рассерженных гусей. Когда я, запыхавшись, подбежала к ним, он, сжавшись в комок, орал во всю глотку о том, что с ними будет, сделай они еще хоть шаг вперед. Но он их не обманул. Как и меня. Он был насмерть перепуган — уши стоят торчком, как два восклицательных знака, глаза вылезают на лоб. Когда я его окликнула, он испустил долгое отчаянное стенание, призывая меня поспешить, не то эти каннибалы до него доберутся. Его надо выручать, да поскорее!

Ну, я его выручила: пробралась через заросли крапивы, перегнулась через колючую проволоку и ухватила его за шкуру — времени добежать до

калитки, судя по выражению глаз этих гусей, уже не оставалось. Естественно, никакого урока он из этого не извлек. Едва он примостился в безопасности на моем плече и мы отошли от гусей на приличное расстояние, к нему вернулся обычный бодрый задор. И всю дорогу до дома у меня над ухом звучал монолог, что они ему говорили да что он им ответил, а на полдороге он объявил о своем решении (которое я пресекла в корне, крепко ухватив его за хвост) вернуться и сказать им кое-что еще. К тому времени, когда мы добрались до дома, Соломон — во всяком случае, в собственных глазах — был уже новоявленным Марко Поло. И с этого дня у нас не было спокойной минуты. Призываемая воплем, от которого у меня кровь стыла в жилах, я выручала его из одной беды за другой. Однажды в убеждении, что она улепetyвает от него, он погнался за коровой, которую допекали слепни. Великолепная забава — мчаться через луг, ветер треплет его хвост, а длинные темные ноги работают как у скаковой лошади... Только корова вдруг обернулась, увидела, что ее по пятам преследует лихой ковбой, и в свою очередь погналась за ним.

На этот раз я спасла его с удачно подвернувшейся ограды, на которой он отлично изображал Затравленного Оленя, а рога коровы находились всего в дюйме от его трепещущего темного носа. А вот когда он напугал крохотного ягненка, ему повезло меньше. Спасения ему пришлось искать в живой изгороди на крутом обрыве над лесом, и к тому времени, когда он до нее добрался, мамаша ягненка была уже так близко, что он ринулся сквозь изгородь, не глядя, что его ожидает впереди. Пока я устало пробиралась по лесу в ответ на его призыв о помощи, он внезапно возник на краю обрыва, прыгнул в никуда и бесславно плюхнулся в жидкую грязь.

Но и это его ничему не научило. На следующий же день я увидела, как он в том же лесу выслеживает маленького котенка в собственной неподражаемой манере — деловито прячась за каждой травинкой, а голое пространство переползая на брюхе. Я не стала вмешиваться — его гсмная морда светилась таким энтузиазмом, его глаза горели таким вдохновенным огнем! И я подумала, что уж котенок-то ему ничем не угрожает.

Но ошиблась. Несколько минут спустя послышался вулканический взрыв, оглушительно затрещали ветки, наступила тишина, которую прервал такой знакомый вопль о помощи. Пробираясь украдкой по лесу, Соломон, видимо, столкнулся со своим старым врагом — котом с фермы, который занимался охотой на мышей. Судя по тому, как кот промелькнул мимо меня, когда я кинулась в лес, их встреча напугала его не меньше, чем Соломона. И действительно, выяснилось, что Колумб орал по другой причине. Просто когда он укрылся на дереве, котенок последовал его примеру и полез на то же дерево. И вот Соломон отчаянно цеплялся за ствол на высоте шести футов, а котенок, который никак не мог его обогнуть, остановился у него прямо под хвостом. И Соломон во всей славе его, великолепный внушительный сиам, вопиял, потому что котенок, величиной с блоху, не давал ему спуститься.

После этого Соломон некоторое время старался держаться от леса подальше и завел манеру сидеть на садовой ограде, а когда мы его спрашивали, почему он не отправился в очередную исследовательскую экспедицию, делал вид, будто Поджидает Приятеля. К сожалению, в результате он заинтересовался лошадьми.

К сожалению — ибо стоило Соломону чем-либо заинтересоваться, как он устремлялся к любопытной новинке. К сожалению — ибо очень скоро директриса

местной школы верховой езды позвонила мне и попросила держать его дома, когда ее подопечные проезжают мимо. «Он пугает лошадей, — сказала она. — Маленькая Патриция уже дважды падала в крапиву, и ее матери это очень не нравится».

Мы негодуяюще возразили, что лошади кошек не пугаются. «А вот вашей пугаются, — возразила она. — Соломон, — сказала она, — затаивался в траве, пока первая лошадь не проходила мимо, а тогда выскакивал на дорогу и начинал гарцевать следом за ней. Ну, словно передразнивая ее, — добавила директриса, хотя, разумеется, это нелепо. — Первая лошадь вела себя спокойно, но с остальными (тут мы признали ее правоту) приключилась настоящая истерика».

Пришлось позаботиться, чтобы с этих пор Соломон, когда подопечные директрисы проезжали мимо, изображал коня на подоконнике в прихожей. Заблаговременно узнать об их приближении было несложно — гремели копыта, сыпались указания наездника следить за коленями, смотреть на свои локти, и шум стоял, по словам старика Адамса, что от стада взбесившихся слонов. К несчастью, одинокий всадник таким образом о себе не сигнализировал, так что порой нам не удавалось перехватить нашего новоявленного победителя Дерби, и он, гарцуя, следовал за своим очередным идиолом. Частенько мы догадывались, что кто-то проехал мимо верхом, только обнаружив, что Соломон исчез из дома. Борясь с этим увлечением, мы пускали в ход всевозможные средства, кроме клетки. Даже завели золотых рыбок, раз уж его влекло все, что двигалось, и поставили аквариум в гостиную специально для него.

Сначала Шебу и Соломона рыбки обворовали. Они уселись перед аквариумом и точно так, как пара любителей тенниса следят за мячиком, следили, как рыбки, помахивая хвостиками, скользят в воде. Но

затем Соломон убедился, что до них не доберешься ни сквозь стенку, ни через верх аквариума, а они и не думают бояться его, и, утратив к ним всякий интерес, бесшумно улизнул из комнаты. Чарльз, всецело поглощенный рыбками, не заметил ни его исчезновения, ни всадника в охотничьем костюме на дороге. А я была на кухне и про последнюю эскападу узнала, когда затрезвонил телефон и фермер с другого конца долины сказал, что не знает, знаю ли я, да только наш черномордый кот сию минуту пробежал мимо следом за охотником. И резво так — ну прямо арабский скакун, да только у лошади на хвосте красная лента, и значит, она лягается...

Не знаю, что он намеревался сказать еще, — я выронила трубку и припустила во весь дух. Когда я их нагнала, Соломон по-прежнему без ведома всадника упрямо следовал за ним в непосредственной близости от пары зловещего вида копыт. Охотник с восхищением оглянулся, когда я подхватила Соломона на руки. «Ну, и бесенок, — сказал он, — сколько пробежал! Да ему бы лошадью родиться!»

Он, естественно, никогда прежде не видел ни Соломона, ни меня и словно бы растерялся, когда, крепко держа Большеухого за шкуру, я сказала, что вот из-за какой-нибудь такой похвалы вся эта лошадиная история и началась.

Глава четырнадцатая **ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА ФАЗАНА**

Прежде наш сад был истинным раем для натуралистов. В нашей трубе гнездились галки. В течение брачного сезона мы должны были просыпаться с рассветом — сначала пробуждались родители и заводили разговор между собой, а потом, отделенные от наших ушей лишь на толщину кирпича, принимались шипеть четверо-пятеро птенцов, требуя завтрака. Но, как говорил Чарльз, что это было в сравнении со зрелищем черного хвоста, доверчиво торчащего из нашей трубы, пока владелец этого хвоста кормил внутри своих детишек?

Дрозды, ничтоже сумняшеся, дробили улиток на нашей дорожке, стуча точно кузнецы и придавая ей вид прилавка устричной. Их родичи, когда мы пили чай на лужайке, присоединялись к нам и вытаскивали из земли дождевых червей, словно красно-бурые резинки, полностью отбивая аппетит у наших гостей. А однажды — в доказательство того, как Мать-Природа полагается на нас, сказала моя бабушка — у нашего порога поселился кукушонок. Каждое утро, открывая дверь, я видела его на веранде, припавшего к полу рядом с молочной бутылкой. Почему именно рядом с ней, мы так и не узнали. Разве что ему было тоскливо одному и он принимал бутылку за другую кукушку. Добраться до молока кукушонок не пытался, а едва я забирала бутылку в дом, он, подскакивая и хлопая крылышками, перебирался на кучу камней за домом и пристально следил в окно, чем мы занимаемся на кухне.

Он не отводил от нас взгляда, даже когда его кормила унылого вида овсянка, которой вскоре уже

приходилось повисать в воздухе, чтобы бросить корм в широко разинутый огромный клюв. Мы жутко обрадовались, когда он вырос и улетел в Африку. Моя бабушка, глубоко огорченная тем, что мы не позволили ей вырастить его у себя (он напоминал ей Гладстона, заявила она, а тете Луизе не составило бы труда его кормить), сказала, что мы не достойны доверия невинных маленьких созданий. На что Чарльз послал невинные маленькие создания ко всем чертям — проклятушая тварь своей вечной слежкой довела его до того, что, выходя из дома, он ожидал ощутить у себя на плече тяжелую руку инспектора из Скотленд-Ярда.

Но все равно это было интересно. И кукушонок, и зарянка, которая прилетала посидеть на спинке стула, пока мы ели; и дятел, который слегка свихнулся и начал в разгар зимы долбить дупло в телеграфном столбе — мы следили за ним как очарованные, пока кто-то не сообщил о нем на почту, откуда явился монтер и замуровал дупло металлической пластинкой. Мы уже ощущали себя великими орнитологами, А потом завели кошек.

После этого благоразумные птицы начали облетать наш коттедж далеко стороной. А уж если им приходилось пересекать нашу территорию, они у ворот взмывали вертикально вверх и проносились над ней на максимальной высоте. Галки некоторое время держались, но и они сдались, когда в один прекрасный день Шеба взобралась на трубу и многозначительно посмотрела на них сверху. Единственной птицей, посещавшей коттедж, был дрозд, который играл с Соломоном, — но и он исчезал, стоило Шебе выглянуть из-за угла. Вернее сказать, играл один дрозд, как это заведено у птиц — пролетал над самой головой Солли, когда тот шел через лужайку, испуская насмешливые крики, и соблазнительно садился на ограду. А Солли не играл — он устремлялся на дрозда, как уимблдонский

чемпион, эффектно прыгая, растопыривая лапы во все четыре стороны.

Тут-то дрозд и допустил роковую ошибку. Он, несомненно, наблюдал, как Соломон охотился на мышей на лужайке, и счел его рохлей, который ничего не способен поймать. Он ведь не видел, как Соломон в доме тренируется с мячами для пинг-понга и с мухами. Смотреть на Соломона с мячиком было чистейшим наслаждением, Шеба, как высокомерно указал Чарльз, ловила то, что ей бросали, сугубо по-женски. Когда мы подбрасывали для нее мячик, она прыгала, не прицелившись, болтала лапами в воздухе и промахивалась. Это было удивительно, если вспомнить, как ловко она охотилась на мышей — не менее удивительно, чем способность Соломона, упускавшего на земле все, взлететь в воздух, подобно стреле, и еще в полете схватить передними лапами то, что мы ему бросали.

Это был его единственный талант, и он пускал его в ход при всяком удобном и неудобном случае. Если мы не бросали ему мячики или шары из фольги, он принимался прихлопывать мух. Нельзя сказать, что так уж приятно, когда кот то и дело проносится по воздуху точно воздушный гимнаст и тут же хлопается об пол как бомба, но от мух мы избавлялись. Талант Соломона, хотя дрозд об этом ничего не знал, делал его опасным объектом для насмешек небольших птичек. И вот как-то раз, хорошо потренировавшись с мясной мухой, Соломон вышел, стремительно подпрыгнул и вырвал пару перьев из хвоста крылатого остряка.

Мы знали, что дрозд уцелел. Мы собственными глазами видели, как он неся над долиной, словно за ним гнались привидения. Но Соломон ничего подобного не признавал. До конца вечера он расхаживал хорошо нам знакомой хвастливой походкой, которую Чарльз прозвал шагом брюхастой пантеры — голова опущена,

из уголков рта торчат два черных перышка, и взгляд, оповещающий, по птичка, если нам интересно узнать, куда она подевалась, находится у него внутри.

Когда Соломон лег спать в эту ночь и в лесу начали перекликаться совы, он встал и охотничьей походкой подошел к окну. Когда-то, когда он был котенком, едва совы принимались ухать, он мгновенно забирался под одеяло, но те времена безвозвратно миновали. Прижав морду к стеклу, угрожающе вздернув свой верблюжий зад, он подробно объяснял им, что сделает с ними, если они не заткнутся. Съест, а перья их хвостов приложит к хвосту дрозда.

Очень часто в последующие дни мне вспоминалось предсказание тетушки Этель, что Соломон вырастет полоумным, и, наблюдая, как он прыгает на все, что пролетает над садом, от самолета до воробья, я гадала, кто раньше угодит в смиренную рубашку: я или он.

Теперь он из дома только выползал — на случай, если добыча окажется за углом. В саду он патрулировал крадущейся походкой охотника, сощурившись донельзя и бросая укоризненные взгляды на сарайчик с садовым оборудованием, где Шеба, возмущался он, слишком громко болтает с Сидни и распугивает всех пернатых. Когда он спал перед камином, подставляя живот огню, то уже не безмятежным сном того, кого ничто не волнует, кроме бутербродов с крабьим мясом, а продолжал и во сне так энергично ловить птиц, что казалось, у него разыгралась пляска святого Витта.

Но ловил он только этих птиц. Наяву реальные не приближались к нему на расстояние прыжка. Для компенсации, если где-нибудь в радиусе мили валяласьдохлая птица, Соломон тут же волок ее домой.

Иногда она оказывалась застарело дохлой, — например, ворона, которую, видимо, застрелили за месяц до того, как Соломон с торжеством положил ее на ковер, и она буквально развалилась на куски. Мы

сгребли останки в совок и торопливо унесли их в лес. «Оставлять их у нас никак нельзя, — заявил Чарльз, — не хватает только, чтобы кто-нибудь вообразил, будто ворону убил Соломон». Откровенно говоря, я сочла Чарльза излишне осторожным: даже самые горячие поклонники Соломона не поверили бы, что он способен подстрелить ворону из дробовика. Но я промолчала. Да мои слова мало бы что изменили.

На следующий день ворона вернулась на ковер.

Благодаря Редкостной Удаче, сообщил Соломон, бережно водворяя ее на прежнее место, он пошел в лесу необычной дорогой и увидел ее под опавшими листьями. Миленькая, верно? Он тщательно облизал растрепанные перья и ревниво улегся рядом с ней. И почти с иголки! Он намерен Хранить Ее Вечно-Вечно, добавил он и оглянулся, проверяя, слушает ли Чарльз. Однако Чарльз, заткнув нос, уже убежал поискать чего-нибудь дезинфицирующего.

После этого Чарльз послушал моего совета: трофеи Соломона незамедлительно отправлялись в мусорный бачок, и крышка закрывалась потуже, чтобы он не мог ее открыть. А он старался. Прямо-таки пыхтел, отчаянно царапая крышку и громогласно требуя, чтобы ему вернули голову курицы, которую он нашел в мусорной куче старика Адамса, и крыло голубя — его он подобрал на дороге.

«Если ворона, — сказал Чарльз, — пребывала в покойницах месяц, то голубь скончался в дни, когда Британию оккупировали римляне». Но запах Соломона не удручал — чем сильнее воняла его находка, чем безобразнее она выглядела, тем довольнее он был. То есть при условии, что сам на нее наткнулся. Если же мы давали ему что-то не самое свежайшее — например, на ужин мясо, купленное накануне, — он глядел на нас с ужасом и говорил, неужели же мы думаем, что он будет есть ЭТО. И Шеба не отставала от него. Хотите

Отравить Нас, вопияла она, театрально пятясь, будто не веря своему носу. Засим они удалялись, уныло усаживались бок о бок на садовой ограде и тоненькими голосками спрашивали прохожих, не найдется ли у них черствой корочки, или, быть может, они знают хороший дом, куда возьмут двух маленьких кошечек, которых никто не любит.

Хуже всего был конец недели. В воскресенье к вечеру я частенько просто не знала, чем кормить этих животных. Куплю два-три фунта парного мяса в пятницу, а днем в субботу, если она выдавалась жаркой, они отворачивали от него носы. Рыба отпадала по той же причине. Ее они не ели в субботу даже на завтрак. При виде кошачьих консервов у них уши вставали торчком от ужаса. *Этого* сиамские кошки вообще не едят! Даже в критических случаях. Лучшую консервированную говядину или телятину они, так уж и быть, соглашались съесть, но только одну порцию. А еще — ни в коем случае! «Сиамские кошки, — говорили они, величавой процессией печально направляясь к ограде, — нуждаются в Разнообразии!»

Неделя за неделей Шеба ничего не ела по воскресеньям, и вид у нее был такой эфирный, что у меня слезы на глаза навертывались, хотя я прекрасно знала, что она выламывается. А Соломон демонстративно существовал только на пшеничных хлопьях. У нас всякий раз обрывалось сердце, когда мы видели распахнутую дверцу буфета и гласящий о голоде пакет с зияющей дырой в боку — немые обличения, что мы Не Кормим Их, Как Надо. Мы с тоской вспоминали Блондена, которому для полного счастья было достаточно пары орехов и апельсиновой дольки... и единственным его пороком была страсть к брючным пуговицам да еще склонность всовывать язык в носик чайника для заварки, если никто не смотрел в его

сторону... Вздохнув о былом, мы отправились и заказали холодильник.

В тот день, когда он был доставлен — белый сверкающий символ их победы в борьбе за свежую пищу для сиамских кошек, — Соломон (иногда казалось, что у этого кота запас подлых штучек просто неистощим) приволок в дом свою самую крупную добычу. Даже величайший актер не мог бы выйти на сцену эффектней. Техники на коленях в кухне возятся с проводкой, я готовлюсь предложить им дружескую чашечку чая, Шеба, широко раскрыв любопытные глаза, по обыкновению, сидит на первом плане, а один из техников шутливо осведомляется, хватит ли в холодильнике места для ее мышей, Чарльз вычисляет, сколько, бутылок пива можно будет там держать, — и тут внезапно появляется Соломон. Его глаза сияют как звезды над облаком перьев, длинные тонкие ноги растопырены, чтобы не наступать на волочащиеся крылья, и он пошатывается под тяжестью огромного фазана.

Когда он сложил птицу к моим ногам, воцарилась мертвая тишина. Техники переглянулись под козырьками своих фуражек. Мы прекрасно знали, о чем они думают, — что на досуге мы балуемся браконьерством и ловко приспособили для этого сиамских кошек вместо собак, и чем скорее они уберутся подальше от такой сомнительной компании, тем лучше. Чарльз постарался исправить положение: рассказал про манеру Соломона притаскивать домой из леса всякую дохлятину. «Ха-ха, — сказал он, — вроде той вороны, которая развалилась на куски, едва до нее дотронулись», — и небрежно пнул фазана. Только фазан не развалился, а перекатился на другой бок с аппетитным шлепком, и Соломон прыгнул на него, дьявольским воем подначивая его снова встать, если посмеет. Перепуганные насмерть техники поторопились

закончить работу и улепетнули. С нами они больше не перемолвились ни словом, но когда их фургон покати́л по дороге, до нас донесся приглушенный голос: «Понятно, для чего им холодильник понадобился».

Одно мы знали твердо: где бы Соломон ни подцепил фазана, поймать он его не поймал. Одно дело перышки из хвоста дрозда, — но такой птице стоило бы просто захлопать крыльями, и он бы мигом очутился на ближайшем дереве, во весь голос требуя вызвать пожарную машину.

Он мог стянуть птицу из чьей-то кладовой. Или, может быть, кто-то из лесников перебросил его через ограду в подарок нам, как делают в деревне застенчивые люди, а Соломон подобрал его и внес в дом.

Ответа на эту загадку мы так и не узнали. Два дня фазан пролежал, спрятанный под ванной, и Соломон не оставлял попыток взломать дверь, а Чарльз то говорил, неужели же птице пропасть зазря, то напоминал, что в былые времена людей за меньшее ссылали в Ботани-Бей на каторгу. Мы все еще надеялись, что кто-то прольет свет на эту тайну, но никто не пролил. Если он попал к нам из чьей-нибудь кладовой, то, как указал Чарльз, там он очутился тоже противозаконным путем. Наводить справки мы не решались из опасения выставить Соломона браконьером, если фазана нам не подарили. Поскольку с момента рождения Соломон все время своего бодрствования тратил на то, чтобы внушать людям, какой он лихой малый, они ведь могли ему и поверить.

А потому во вторую ночь, придя к окончательному выводу, что помимо соображений порядочности навряд ли стоит есть фазана, который (третья гипотеза) вполне мог скончаться от яда, мы, когда совсем стемнело, пробрались с птицей в мешке за калитку, прошли две мили в холмы и с сожалением закопали ее в канаве.

Глава пятнадцатая

РОМАН СОЛОМОНА

Как приятно, когда в доме живут две сиамские кошки, говорили люди, видя как они торжественной процессией направляются в огород, грозя бедой капустной рассаде, которую Чарльз только-только водворил на грядку, или чинно сидят в кресле, нежно прильнув друг к другу, точно на рождественской открытке.

В некоторых отношениях это действительно было приятно. Когда нас не было дома, они составляли компанию друг другу, и куда бы Соломон, как он сам говорил, мог бы положить голову, засыпая у камина в зимний вечер, если бы к его услугам не было живота Шебы?

С другой стороны, бесконечные проказы, в которые они втягивали друг друга, были бы не по плечу целой стае мартышек. Например, тот случай, когда Шеба спряталась в коляске мотоцикла Сидни, и он, обнаружив ее, только когда уже добрался домой, был вынужден безотлагательно отвезти ее назад, — разве она самостоятельно додумалась бы до такого? Шеба была домоседкой. Она редко покидала пределы сада, и всякий раз, когда Соломон отправлялся на очередную прогулку, она обязательно, к большому его отвращению, оказывалась на крыльце, когда он украдкой пробирался по дорожке на обратном пути, и злорадно орала, что вот он, вот он, и не отшлепаем ли мы его?

Он мог хвастать сколько угодно о том, где был и какие подвиги совершил, — Шебу это не интересовало. Она предпочитала оставаться дома, быть подружкой

Чарльза и Сидни. И так продолжалось, пока однажды она не услышала вопли Соломона: «Иди посмотри, где я сижу!» А когда она пошла посмотреть, то увидела его на капоте припаркованной машины. Шеба посмотрела на него, начала было звать Чарльза — и передумала. Она была пай-девочкой так долго, что жизнь, правду сказать, стала довольно пресной. К тому же, вопреки ее настойчивым советам, его ни разу не отшлепали, а наоборот, когда он возвращался, вокруг него так плясали, что вся ее чопорность возмущалась... И без дальнейших размышлений она присоединилась к Соломону на капоте.

С этих пор стоило кому-то припарковать машину на дороге поблизости от коттеджа, как они молниями неслись туда.

В первое время им было достаточно просто сидеть там и болтать с прохожими, сколько хватало сил. Это уже было скверно: я вся извелась, бросаясь сгонять их с капота и стирать отпечатки их лап до возвращения владельца. Но затем Соломон сделал великое открытие: у машины оказалось нутро! Я отлично помню день, когда он это обнаружил. Я примчалась, сволокла их с капота большого черного «хамбера» и, усердно полируя капот, внезапно заметила, что Соломон неверящими глазами вглядывается во что-то сквозь ветровое стекло. Я проследила его взгляд: с заднего сиденья на него столь же ошеломленно взирала почтенная старушка! Идиотски ухмыльнувшись ей (ничего лучше мне в голову не пришло), я ухватила кошек и пустилась наутек. Могла бы и не трудиться. Соломон, углядев старушку, во что бы то ни стало хотел рассмотреть ее получше. Едва я опустила его на лужайку, как он перемахнул через ограду и обеими лапами намертво вцепился в ручку дверцы машины, внимательно вглядываясь внутрь.

Когти у Соломона, когда он полон решимости, не уступят абордажным крючьям. Я тщетно пыталась отодрать их от ручки, он яростно орал, что хочет поглядеть на старушку, Шеба со своей стратегической позиции на сливе советовала хоть на этот раз отшлепать его хорошенько, старушка впала в полуобморок, не сомневаясь, что к ней. рвется сумасшедшая с бешеным котом, — и я сделала единственное, что мне оставалось: ухватила Соломона поперек живота и начала во весь голос звать Чарльза. И Чарльз отцепил Соломона, а когда я унесла Соломона в дом, умиротворил старушку. «Что было нелегко», — сообщил он. Она твердила, что вот вернется с прогулки ее сын и нам это так не сойдет! Но туг он упомянул, что я его жена, и, к его изумлению (он еще не слышал о том, как я выскочила из калитки и принялась полировать капот ее машины с ней внутри), она погладила его по руке, приговаривая: «Бедный мальчик, бедный мальчик, у нас у всех есть свои горести, и надо переносить их мужественно», а потом угостила его мятной лепешкой.

Я поклялась, что больше не подпущу Соломона ни к одной машине. Где там! Я то и дело вытаскивала его из-под чужих машин, а если стекло оказывалось опущенным, то и изнутри. Чарльз наотрез отказывался вмешиваться, и эту операцию приходилось брать на себя мне. Дверцу я открывать не решалась, даже если она была отперта. Чарльз говорил, что нас могут заподозрить в преступных замыслах. А потому по два-три раза на дню я болтала длинной веревочкой внутри чужих машин, умоляя Соломона быть хорошим котиком и убраться оттуда, пока не вернулся владелец. Вевевочку я держала в вытянутой руке и стояла от машины как могла дальше. Заподозрить меня в преступных намерениях не мог бы никто, но вот что у меня не все дома, наверняка думали многие. Тем более

что Соломон и в ус не дул и либо возлежал, растянувшись на заднем сиденье, внушая прохожим, что это Его Машина и он просто Ждет Шофера, либо невидимкой на полу обнюхивал пакеты.

Он знал, что поступает нехорошо. И всегда удирал за секунду до возвращения владельца. Но я изнывала от страха, что в один прекрасный день владелец застигнет его — и меня. И еще я боялась, что в другой прекрасный день я не замечу, что он залез в машину, и владелец, тоже ничего не заметив, увезет его. И стоило мне услышать шум машины, как я автоматически все бросала и опрометью бежала к калитке. А в конце концов, как я могла бы догадаться, если бы учла психологию моих кошечек, увезли вовсе не Соломона, а Шебу.

Шеба была куда осторожнее своего братца и не рисковала залезать в машины. И пока я отчаянно выживала его веревочкой, она разве что сидела, широко открыв глаза. на капоте, говоря, какой он гадкий, правда? И она просто не знает, что нам с ним делать. Тем не менее она жаждала последовать его примеру. Это просто было написано на ее голубой мордочке.

И вот однажды она не пересилила соблазна. Но, видимо, рассуждая, что с Сидни она знакома и может с ним ничего не опасаться, забралась к нему в коляску — и, так уж несправедливо устроен мир, была тут же похищена.

Когда она вернулась, Соломон просто захлебывался от злорадства. Теперь настал его черед орать, и он своего не упустил. «А, явилась Косоглазая Паинька, — вопил он, шагая по дорожке навстречу Сидни, который нес на руках несколько смущенную Шебу. — Не Отшлепать ли Нам Ее Разнообразия Ради», — выл он голосом, который бы сделал честь и сирене на маяке. Нашего ответа он дожидаться не стал, а, едва Сидни

спустил ее с рук, сам ее опрокинул, просто чтобы показать, кто есть кто.

Обычно, разумеется, все происходило точно наоборот: предварительную разведку производила Шеба, а Соломон следовал по ее стопам и нарывался на неприятности. Взять хотя бы отверстие для электропроводки, соединявшее новую половину коттеджа со старой. Чарльз заклеил его листком бумаги и покрасил для камуфляжа, пока не выберется свободная минута заделать дыру основательно. Так именно Шеба обнаружила щелку внизу бумаги, откуда тянуло интригующим сквозняком. Но если она удовлетворилась тем, что попыталась заглянуть туда, именно Соломон, преисполняясь буйной доблести, немедленно просунул лапу сквозь бумагу, требуя, чтобы затаившиеся там немедленно выходили, не то он сам до них доберется!

Более того: это героическое представление так его увлекло, что с этого дня всякий раз, когда дыру снова заклеивали, он снова рвал бумагу, и всякий раз, когда я провожала гостей наверх, мне приходилось объяснять, что это за дыра, а вдобавок и почему крупный, дурашливого вида сиам выкрикивает в нее угрозы, как обычно бывало в этих случаях.

Когда мы в кухне установили стенку до потолка, именно Шеба первой забралась на выступ и любопытной лапкой открыла ближайшую дверцу. Но именно Соломон, едва она выяснила, что там нет ничего опасного для маленьких кошек, принялся ежедневно открывать их со смачным стуком. Когда мы брали их на прогулку вдоль пшеничного поля, именно Шеба первая придумала веселое развлечение и залезала иногда на встречный столб, умоляя затем Чарльза снять ее оттуда. Но именно Соломон завел привычку с воплями залезать на все подряд, словно цирковой клоун, и в

конце концов, вне себя от возбуждения, прыгнул не в ту сторону и заблудился в пшенице.

Что бы ни намечалось, Соломон считал себя самым главным и средоточием общего внимания — кроме случаев, когда ему должны были прочистить уши или расчесать шерсть. Тогда невозможно было бы отыскать кота, с такой охотой готового уступить первое место Шебе. Пока мы возились с ней, он сидел рядом, проявляя жгучий интерес к происходящему — обнюхивал вату и блюдечко с растительным маслом, с видом знатока заглядывал к ней в уши, заверяя нас, что они жутко грязные и она, конечно, их полгода не мыла. Но едва подходил его черед, Соломон испарялся. Вопя, что мы глубоко заблуждаемся, что он вовсе не наш кот, он в исступлении прыгал с чехла на чехол, вцеплялся когтями в спинки кресел и края ковров. А пока злодеяние совершалось (легкий поворот в ухе скрученной ваткой и несколько осторожных движений расческой по шерсти), вопли достигали такого крещендо, что, по словам старика Адамса, казалось, будто мы отпиливаем ноги целому стаду слонов. А потом Соломон часами скорбно расхаживал, печально опустив уши, и смотрел на нас из-под них с такой укоризной, что мы проникались ненавистью к себе.

Когда наступила зима, Шеба осторожно прошлась по первому в их жизни снегу, именно Соломон каждую ночь скребся в дверь, требуя чтобы его выпустили, и эффектно прыгал по снежному покрову глубиной в фут, держа хвост торчком, точно перископ, а она чинно обследовала дорожку и чопорно усаживалась на крыльце, облизывая лапки. Затем Шеба сказала, что зима — отличное время для охоты на птиц, потому что мы их подкармливаем, и завела привычку каждое утро сидеть под сиренью, устремив глаза — те сапфировые луны — на сезонную птичью кормушку. Но Соломон оптимистично забирался в кормушку. И все портил,

жаловалась Шеба, когда мы забирали их в дом, чтобы птицы могли клевать корм спокойно, как ни уверял Соломон, что просто изображал хлебные крошки.

Но кое в чем они были единоклюшны. Например, не шли домой, когда мы их звали. И дружно не желали, чтобы у нас поселился кто-то еще. Был момент, когда они серьезно этого опасались. Дальше по дороге жила прелестная короткошерстая голубая сиамошка с янтарными глазами по имени Сюзи, чьим единственным недостатком было любвеобилие. Она любила собак, она любила людей, она любила других кошек — даже любила тощего, в боевых шрамах, кота с фермы, о чем свидетельствовал тот факт, что из множества котят, которых Сюзи приносила каждый год, девять десятых были круглоголовыми и черно-белыми. И вдруг, к дикому ужасу, она забрала котенка в угольный сарай и проспала там всю ночь на бумажном мешке. Нет, у нее был дом. Просто, промурлыкала она весело, ведя в семь утра своего отпрыска через заднюю дверь к миске, просто она обожает Солли и нашу стряпню, а потому решила переселиться к нам.

День мы провели в осаде, накрепко заперев заднюю дверь от назойливых гостей, а наша парочка кричала им изо всех окон по очереди, чтобы они шли домой. Потом полил дождь, и, к нашему несказанному облегчению, они отправились восвояси — хотя нас и мучили угрызения совести, пока мы наблюдали, как узкий голубой зад и квадратный черно-белый задик грустно удаляются по дороге.

Полчаса спустя, хотя дождь продолжал лить, из-за задней двери донеслось попискивание. Мы ошарашенно переглянулись.

— Она опять привела котенка, — сказал Чарльз. — Он утонет под таким дождем!

«Вот и хорошо, — сказал Соломон, распростерся на брюхе и попытался заглянуть под дверь. — Так ему и

надо, будет знать, как таскать мою еду».

Но ведь этот малявка проспал всю ночь на мешке из-под угля, остался утром без завтрака, а теперь дрожит под ливнем — и все из-за любви Сюзи к Соломону! Нас душила жалость. Признав свое поражение, мы открыли дверь... и у нас чуть глаза не выскочили из орбит.

Под проливным дождем сидел не вчерашний черно-белый малыш, а два очаровательных голубых котенка с круглыми топазовыми глазами, и ротики их были открыты в жалобном плаче. С ними явно провели хорошую репетицию.

Мы никогда их прежде не видели, но чуть дверь приотворилась, как они задрали нахальные хвостишки и храбро вошли. В ту же секунду с подоконника, где она затаилась, прыгнула Сюзи и устремилась за ними. Они — самое лучшее, что у нее есть, объяснила она своим пронзительным голосом. Поскольку мы явно любим только породистых кошек, можно она поселится у нас с ними, а не с тем? Мне было так трудно ответить ей: «Нет, нельзя» — и захлопнуть перед ними нашу дверь.

Глава шестнадцатая **ТРЕВОЛНЕНИЯ ТРЕХ ЛЕТ**

Вот уже три года, как Соломон и Шеба вошли в нашу жизнь. Иногда кажется — это симптом, общий для всех владельцев сиамских кошек, — что прошли все тридцать лет. За это время у нас в доме произошли кое-какие изменения. Например, Шорти уже нет с нами. Он внезапно умер год назад. Нас замучила совесть — а вдруг причина его смерти в том, что Соломон и Шеба то и дело опрокидывали его клетку? Хотя и казалось, что, очутившись в надежных объятиях кресла и смачно обругивая кошек справа и слева от себя, он получает от этого немалое удовольствие. Но мы все-таки отправили его в министерство сельского хозяйства для вскрытия.

Когда нам прислали результаты, у нас гора спала с плеч. Шорти — хотя непонятно, как он умудрился довести себя до такого состояния на семенах и воде, — скончался от ожирения сердца и увеличения печени. Мы никем его не заменили. С кошками в доме это было бы не честно, да и в любом случае, едва мы с грустью водворили опустевшую клетку в сарай, как Соломон до истечения недели, любознательно обследуя завал всякого хлама, свалился на нее и привел ее в такое состояние, что — как он сам сказал, когда осмотрел повреждения, — поселить в ней птичку было бы бессердечно.

Рыбки у нас остались — хотя и в их жизни не все шло гладко. В прошлую зиму голова и жабры самой крупной были поражены грибком. Две недели, пока все героически питались покупными лепешками, она тоскливо плавала в миске для замешивания теста, наполненной антигрибковым раствором. По истечении

этого срока грибок продолжал распространяться, и создавалось впечатление, что с тем же успехом мы могли бы послушаться Шебы — она усердно навещала рыбку каждый день, а убедившись, что миска по-прежнему накрыта сеткой и до нее не добраться, настоятельно рекомендовала нам стукнуть ее по голове и спустить в унитаз. От отчаяния я прибегла к средству, которое вычитала в справочнике: поместить рыбку в раствор обычной поваренной соли (одна чайная ложка соли на кварту воды) и продержать в нем четыре дня, каждый день добавляя по ложке.

Нашей рыбе это, казалось, большой пользы не принесло — к вечеру третьего дня она лежала на боку, словно бы при последнем издыхании. Тут на Чарльза снизошло озарение: из-за сырой погоды количество соли, которую мы сыпали в миску, было больше предполагаемого, и мы практически живьем засолили беднягу.

В мгновение ока мы переложили рыбку из рассола в теплую, чистую воду. Но она перевернулась брюшком вверх. Мучимые раскаянием, мы просидели до полуночи, по очереди удерживали ее в нормальном положении и за хвост таскали вдоль края миски, пока через очень долгое время наши усилия не были вознаграждены и она сама не изогнула хвостик. Дальше выздоровление пошло гигантскими шагами, и вскоре мы вернули ее в аквариум — грибки исчезли без следа. Впрочем, последнее неточно. Прежде она была вся золотая, а теперь почернела всюду, где соль воздействовала на пораженные грибом места.

Она щеголяла черной головой и черными жабрами, черными кончиками плавников и черным хвостом. «Ну просто толстобрюхая пантера», — сказал Чарльз с хохотом, а Соломон прижал уши и надулся, не сомневаясь, что речь идет о нем. Рыбка изменила и свое поведение, что было даже интереснее. До тех пор мы

не знали, к какому полу принадлежат наши рыбки, сонно плавающие в аквариуме.

Они все выглядели совершенно одинаково. Но соляная ванна положила этому конец. Несколько дней спустя водяная пантера, лихо изгибая обольстительный черный хвост, гонялась за девочками как сумасшедшая.

У Соломона и Шебы тоже случались свои взлеты и падения. Шебу не так давно укусил за хвост один из местных котов. Для меня остается неразрешимой тайной, как она подпустила к себе хотя бы на десять шагов такого облезлого кавалера. Она же была такой застенчивой, что закрывала глаза и чуть не лишалась чувств, если на нее смотрели, такую чопорную, что чудилось, будто на ней надеты чепец и митенки. Однако, наверное, даже у нее бывали романтические минуты. И за это она неделю спустя расплатилась нарывом на хвосте величиной с мандарин. Как у нее было в обычае, когда мы отвезли ее к ветеринару, она держалась очень мужественно — с видом беспомощной мученицы, от которого у него буквально слезы на глаза навернулись, позволила вскрыть абсцесс и вколоть пенициллин ей в задик. Он сказал, что мы должны неделю следить, чтобы отток гноя не закрывался, и дважды в день вкладывать в разрез пенициллиновую капсулу. «Некоторые кошки, — сказал он, — задали бы нам жару, но с этой милой малюткой (тут Шеба томно ему ухмыльнулась — как, скорее всего, ухмыльнулась и коту, перед тем как он вцепился ей в хвост), — с этой милой малюткой у нас, конечно, не будет никаких хлопот.

Его бы устами! Шеба и красивый молодой ветеринар — это было одно, Шеба и мы — это было совсем другое. Ему разрешалось рассечь скальпелем полтора дюйма ее хвоста: она лишь томно на него взирала. А нам достаточно было достать флакон деттола, и она уже кометой неслась вверх по холму к дому священника,

умоляя побыстрее ее спрятать — мы подвергаем ее пыткам.

И, как будто этого было мало, Соломон два дня спустя повстречал на дороге того же самого кота, двинулся на него, вытягивая шею, точно страус, когда всякий разумный представитель семейства кошачьих поторопился бы улизнуть. Ну и получил когтями по скуле. Царапина была крохотной, но попытка ее обработать стоила таких усилий, что возня с хвостом Шебы казалась в сравнении райским блаженством. Она-то была маленькой и хрупкой. Если нам удавалось запереть ее в доме, то при содействии старика Адамса мы обычно оттесняли ее в какой-нибудь угол и оказывали ей медицинскую помощь — даже распластавшись на животе под столом на манер вратаря, взявшего мяч. Но Соломон был такой могучий, что мы и втроем не могли с ним сладить. Справочник рекомендовал брать непокорного кота за шкуру и крепко прижимать к столу. Только у Соломона шкурка была такой просторной, что он свободно в ней вертелся, и это приводило к поразительным результатам: пока мы держали его за загривок, он лежал на спине и размахивал лапами во все стороны. Чтобы как-то с ним справиться, мне приходилось на четвереньках возить его по полу, точно котенка, и, улучив удобный миг, прижигать царапину деттолом.

Они, естественно, полностью выздоровели к тому моменту, когда прибыли напольные часы. Мастер, приглашенный установить эту махину, только засмеялся, когда я попросила привинтить их к стене, чтобы кошки не опрокинули. «Этому старинушке никакие кошки не страшны», — заявил он, нежно поглаживая ореховый футляр. В старину вещи делали на совесть.

Бесспорно. Часы, доставшиеся нам после смерти брата бабушки, принадлежали моему прапрадеду, и им

на своем веку довелось попутешествовать: дела семейной паровой компании потребовали, чтобы он несколько лет прожил в Нью-Йорке, а его сын занимался овцеводством на Ла-Плато. «Дважды огибали мыс Горн и могут похвастать не одним шрамом!» — говаривал прадедушка, после того как тоска по доброму старому английскому пиву и парочке викторианских полицейских, которые привозили его домой на тачке, когда двери трактира закрывались на ночь, понудила его вернуться на старости лет в родные места. Шрамы сохранились. Глубокие щербины в основании, полученные во время шторма, когда они сорвались с креплений и ударились о рундук, как постоянно ударялся сам прадедушка. Однако ни прадедушка, ни мыс Горн не подвергали бедные старенькие часы такому возмутительному обращению, какое они терпели от лап этих кошек.

Едва мастер повесил гири, заботливо прицепил маятник и удалился, как они набросились на часы, словно бригада демонстражников. Шеба воссела наверху, негодующе чихая, потому что обнаружила трещинку, в которую набилась пыль, а Соломон, после бесчисленных налетов на кладовую натренировавшийся открывать любую дверь или дверцу, засунул голову внутрь, наблюдая за работой механизма. Все прочие интересы были забыты. На время они даже остыли к тому, чтобы рвать дорожку на лестнице или сидеть на капотах. Чуть часы начинали бить, как они опрометью неслись в прихожую — а вдруг механизм вываливается? Когда я заводила часы, Шеба свешивалась сверху и подцепляла стрелки, а Соломон с торжествующим воплем прыгал мне на спину, перебирался на голову и присоединялся к сестрице.

Когда гири были подняты, меня разбирали опасения, что центр тяжести часов сместился и Шеба, прыгая на них со шкафчика, как нерестящийся лосось,

может их опрокинуть. А когда гири опускались, я боялась за Соломона — в эти дни целиком мы его видели редко: только две тонкие темные ноги и длинный хвост свисали из часового футляра. Так вдруг он запутается в цепочках и его затянет вверх? Я так тревожилась, что, уходя, принимала меры, чтобы не рисковать ни часами, ни кошками. Теперь, когда мы куда-нибудь собирались, не только все шпингалеты завязывались веревочками, а лестница застилалась газетами, но я перепоясывала часы толстой веревкой, чтобы Соломон не мог открыть дверцу, и подтаскивала к ним тяжелое кресло, чтобы Шеба их не опрокинула.

В конце концов мы подобрали ключ к дверце, а часы Чарльз привинтил-таки к стене. Однако не раньше, чем деревня в очередной раз убедилась, что мы совсем свихнутые. Обычно, возвращаясь, я первым делом приводила прихожую в пристойный вид, но как-то вечером почувствовала себя такой усталой, что оставила все, как было. Ну и, естественно, именно в этот вечер одна из деревенских старушек зашла за жертвованием на благотворительные цели. Я поспешила объяснить, почему у подножия лестницы громоздятся газеты, часы оригинально обвязаны веревкой и подперты креслом, но ее лицо продолжало хранить странное выражение, тем более что в эту минуту киски ужинали на кухне и не давали о себе знать. Но оно стало даже еще более странным, когда, вернувшись через полчаса за конвертом с деньгами, она убедилась, что я ни в чем не уклонилась от истины. На часах восседала, точно косоглазая сова, сиамская кошка, а сиам, сунув голову в дверцу, делился своими наблюдениями за работой механизма.

Впрочем, деревня не нуждалась в дополнительных доказательствах, что у нас не все дома. Улик за три года набралось предостаточно. В частности, по утрам, когда нам надо уехать пораньше, я мчусь по дороге в

домашнем халате с кошачьей корзиной в руке и заливчиво лаю. Корзину я беру потому, что физически невозможно нести на руках двух сиамов, извивающихся, как взбесившиеся угри. Тогда, если мне удастся нагнать их, Шеба отправляется домой в корзине, а Соломон, слезливо причитая, что Именно в Это Утро Он Хотел Быть Лошадью, мешком висит у меня на спине. Лаю я потому, что (иногда) удастся внушить им, что где-то поблизости бегают собаки, и тогда они останавливаются. А в халате я потому, что за ними надо бросаться сразу же, едва они исчезнут, и к тому времени, когда я кончу одеваться, они уже будут весело прогуливаться в соседней деревне.

Объяснять все это соседям — напрасный труд. Они просто считают нас сумасшедшими. Как и двое пеших туристов, которым я однажды явилась в халате из леса наподобие Тарзана. Я и сейчас вижу, какие у них были лица, когда я скользила вниз по крутой грязной тропинке, отчаянно цепляясь за ветки, чтобы удержаться на ногах, а последние несколько ярдов съехала на обтянутых пижамных штанами ягодицах. Я объяснила, что ищу сиамскую кошку. И делу нисколько не помогло, что именно в эту секунду из нашей калитки небрежной изящной походкой вышли *две* сиамские кошки и осведомились тоном скорбного изумления, с какой стати я сижу на дороге, а они уже давным-давно ждут меня в саду.

То же самое произошло и когда Шеба, прогуливаясь по коньку крыши после дождя, поскользнулась на мокрой черепице и перепугалась до полусмерти. Никто не подошел посмотреть, что случилось, пока она, окаменев от ужаса, сидела на коньке и взывала к Чарльзу спасти ее, а внизу на лужайке ей сочувственно подвывал Соломон, и каждая черточка его треугольной темной морды говорила о самых дурных предчувствиях. Не было никого, чтобы помочь нам, когда наконец,

убедившись, что она действительно сама оттуда не спустится, мы кое-как втащили на склон за коттеджем длинную приставную лестницу, а оттуда перекинули ее на крышу. Но едва Чарльз добрался туда и тоже уселся на коньке, как долина внезапно закишела любопытными зрителями. Старик Адамс, направлявшийся в трактир, ученики школы верховой езды, выехавшие на утреннюю разминку, и отряд бойскаутов, прибывший на автобусе для экскурсии на природу. И опять-таки не было никакого смысла объяснять, почему он очутился там. К этому времени Шеба спокойненько сама спустилась с крыши и весело гонялась на лужайке за Соломоном.

Разумеется, много от сиамских кошек и ждать нельзя, но все это даром не проходит. Три года назад у меня не было ни единого седого волоса. Ну, а Чарльз... Пока я дописывала эту последнюю главу, он опять скатился с лестницы.

И тем не менее мы ни за что с ними не расстались бы. Вообразить коттедж без сиамских кошек теперь столь же невозможно, как прежде — без белки. Когда я пишу эти строки, они спускаются с холма. Шеба печатает шаг впереди — ее голубые лапки ступают уверенно и твердо, словно она — сержант женской вспомогательной части на параде. Соломон плетется позади, иногда останавливается понюхать маргаритку или поглядеть через плечо, нет ли там чего-нибудь интересного, а потом бежит догонять ее на длинных тощих темных ногах. Еще минута — и они взлетят вверх по лестнице, остановятся на пороге бок о бок и уставятся на меня с таким подозрением, будто это я, а не они оставила мячик на лестнице, чтобы Чарльз на него наступил. Так пусть же — даже Чарльз, который осторожно смачивает в ванной холодной водой свои синяки, говорит, что полностью со мной согласен, — так пусть же они подольше будут такими же.